0 10/514

10.
514.

ИЗДАНІЕ Л. МЕТЦЛЬ.

ЦАРЬ
и
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ
ШУЙСКІЙ.

Лѣтопись въ лицахъ

Н. Чаева.

МОСКВА.
Типографія Л. Метцль, Петровка, домъ Яковлевыхъ.
1886.

ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕЯ РУСИ

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Лѣтопись въ лицахъ.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

2007058050

ИЗДАНІЕ Л. МЕТЦЛЬ.

ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕЯ РУСИ

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

ЛѢТОПИСЬ ВЪ ЛИЦАХЪ

Н. ЧАЕВА.

МОСКВА.
Типо-литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.
1886.

Дозволено цензурою. Москва, 22 марта 1886 года.

ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕЯ РУСИ

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Лѣтопись въ лицахъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

I.

19 мая 1606 года. Раннее утро. Дворъ князя Василья Ивановича Шуйскаго. Даль съ Москвой рѣкою, церковками и домами. Влѣво хоромы съ открытымъ гульбищемъ и крыльцами.

Коневъ, 1-й посадскій, 2-й посадскій, старикъ, подъячій, гости, торговые и всякіе люди толпятся въ воротахъ, стрѣлецкій сотникъ.

Гордуша. Да, коли есть у васъ орудье, дѣло до князя Василья Ивановича,—подождите... Онъ у заутрени въ крестовой, а послѣ ѣдетъ въ стрѣлецкую. Стремянные у крыльца и конь осѣдланъ, подведенъ.

Голоса. Да какъ не ждать? Надо подождать. Народъ не выпрешь со двора; вся улица захлебнулась народомъ.

Подъячій. Благо застали.

Коневъ. А сторожа вонъ ваши баютъ: „во дворцѣ", казну, слышь, повѣряетъ князь съ боярами. Не будь ты на крыльцѣ, не скажи намъ, и мы бы туда вѣдь повалили.

Гордуша. Вечорсь казну печатали... Смерклося, вернулся князь... А вошелъ въ заднее крыльцо... Сторожевые не видали. Знать думали, заночевалъ онъ во дворцѣ.

Коневъ. Дѣло. Такъ ты, пожалуй, доложи князю.

Гордуша. Ладно. Подождите... Шестопсалміе читали; скоро кончится утреня.

Коневъ. Мы подождемъ... Сходи, будь милостивъ.

(Гордуша уходитъ).

1-й посадскій. Что Богъ дастъ? А токмо, братья, намъ стояти подобаетъ крѣпко, во едино сердце, на своемъ, какъ порѣшили. Пора за разумъ взяться. И домъ хозяиномъ стоитъ; горлановъ да хаяльщиковъ слушать неча...

Голоса. Чего ихъ слушать. Вишь они, кто въ сукъ, кто въ пень.

Коневъ. Вѣдь хаять-то не мудрено. Въ чужомъ глазу малъ порохъ виденъ, въ своемъ бревна не знать.

Подъячій. Иной вѣдь такъ вотъ, съ дуру, не вѣдаетъ, что оретъ.

Старикъ. Да незамай. Не помутясь и море не уставится.

2-й посадскій. Шуми. Правда свое возьметъ.

Старикъ. Еще бы. Неправдой свѣтъ пройдешь, ну, а назадъ ужь не воротишься.

Подъячій. Все въ руцѣ Божіей. Путай, какъ хочешь, человѣкъ, а Богъ распутаетъ.

Сотникъ. Чтой-то съ стрѣлецкой нѣту никого? Что они тамъ застряли?

2-й подъячій. Придутъ стрѣльцы; мы посылали съ площади. Кто ѣздилъ? Ты, Антипычъ, что-ль?

1-й посадскій. Нешто. Придутъ съ стрѣлецкой. Не умедлятъ. Сходка была у нихъ... Знать заболталися.

2-й посадскій. Никакъ идетъ князь? Такъ и есть. Не напирайте, братцы.

(Входятъ). **Князь В. И. Шуйскій, мальчикъ** *(съ платкомъ),* **двое жильцовъ, стремянной.**

В. И. Шуйскій. Здорово, православные!

1-й посадскій. Добра-здоровья, князь Василій Иванычъ... Какъ тебя, свѣта, Господь милуетъ?

В. И. Шуйскій. Покуда грѣхамъ терпитъ Богъ. Что молвите?

2-й посадскій. Мы къ твоему здоровью. Съ добрымъ дѣломъ.

1-й посадскій. Выборные, князь Василій Иванычъ, отъ посадскихъ, торговыхъ и отъ всѣхъ людей.

Старикъ. Отъ всея земли съ мольбою.

Коневъ. Съ челобитьемъ.

В. И. Шуйскій. Такъ съ земскимъ челобитьемъ буде... въ думу бы... Вотъ соберемся мы не нонче—завтра земскаго дѣла ради...

2-й посадскій. Дума—думою, а мы однолично къ твоему здоровью посланы. Ты о землѣ радѣльщикъ вѣдомый, стояльщикъ исконный... Не отступись... Самъ видишь, кровь вѣдь льется крестьянская... Вотъ третьи сутки день и ночь грабежъ, пожары. Помилосердуй, князь. Не приведи насъ въ разоренье съ семьями, съ дѣтьми малыми.

В. И. Шуйскій. Вы видите, я, чай, отцы и братья... Не въ похвальбу, вотъ двѣ недѣли я со бѣла утра до поздня вечера вѣдь мыкаюсь. Взводень расходится, не скоро, сами знаете, уймется. Да и одинъ ли я, вѣдь и другіе бояра тожь орудуютъ, сколько Богъ помоги даетъ. Мы вамъ челомъ бьемъ, помогите. Вѣдь мы безъ васъ—безъ рукъ. Спасибо вотъ стрѣльцы еще стоятъ, ужь истинно стѣна неколебима. А то бы что тутъ намъ однимъ боярамъ-те? Живыми въ гробъ ложись.

Коневъ. Мы вотъ за тѣмъ и посланы. Царь—батька, земля—мать.

2-й посадскій. Безъ пахаря и нива глохнетъ.

1-й посадскій. Да прямо надо говорить: мы по тебя пришли; слезно всѣ молимъ, потрудись для земли и насъ, осиротѣлыхъ. Возьми на себя бремя царское, князь благовѣрный... Ты не чужихъ родовъ-те, нашихъ, а и печалуешься о землѣ.

Голоса. Не откажи... Смилуйся, князь Василій Ивановичъ. (*Многіе кланяются земно*).

В. И. Шуйскій. Господней волею нашъ, Шуйскихъ, родъ есть степень государей и великихъ князей, а прародитель прямо нашъ великій благовѣрный князь Александръ Ярославичъ, иже бѣ Невскимъ прозванъ. До прадѣдовъ, князей куда мнѣ грѣшному; тѣ свѣты умирали, костьми ложились за святую Русь, за вѣру, ровно на праздникъ велій шли... Сколько Богъ мнѣ разума вложилъ, я промышлялъ и промышлять не отрекаюся, по-

куда сила... А воспріяти бремя тяжкое, царскій вѣнецъ мнѣ возложить на старости, отцы и братья...

Голоса. Старый конь борозды не испортитъ, князь Василій Иванычъ. Мы такъ умыслили не отступаться, избрать тебя и неотложно... Не отговаривайся, князь... Самъ видишь, неурядица въ народѣ, смута. Гроза нужна, — вожакъ. И конь вонъ безъ узды бѣжитъ невѣдомо куда... Слезно мы молимъ, князь Василій Иванычъ...

В. И. Шуйскій. Такое дѣло зря, безъ думы крѣпкой всей земли, вы вѣдаете, братья, не вершится. А другое, и самому мнѣ надо размыслити перво. Вериги тяжкіе вѣнецъ да бармы въ наши дни... Время лукаво есть. Ихъ возложить не долго на плечи-те, да силы хватитъ ли, снесешь ли?

1-й посадскій. Богъ поможетъ.

Коневъ. Долгая дума—лишняя скорбь. Вѣдь мы не наобумъ тоже орудуемъ. Толковано и передумано у насъ. Мы вотъ какъ порѣшили міромъ: опричь тебя царемъ быть некому. Откажешься, такъ знай: искра разгорится, силу возьметъ; а то заслыша и чужіе опять вдовшу землю грабить да обижать учнутъ. Намъ впрямь изъ огня не въ полымя лѣзть. Пожалѣй коли не насъ, то землю, князь Василій!

2-й посадскій. Отъ кого чаютъ, того и величаютъ, княже... Есть много бояръ да князей, да вѣдь къ тебѣ пришли.

Коневъ. Вѣдь и на милость разумъ нуженъ. А у тебя ума не занимати стать.

В. И. Шуйскій. Спаси Богъ за привѣтъ васъ, православные. А начиная дѣло, помыслить надо о концѣ. Замѣсишь густо, да не вышло бы пусто. Ну, я возьмуся, соглашусь, да путь-то будетъ ли? Вѣдь у меня радѣльщиковъ, чай сами вѣдаете вы, непочатъ уголъ.

Голоса. Мы, князь, помремъ всѣ за тебя... Вотъ молви только, назови, кто твои вороги... А мы не сладимъ, одолятъ, такъ царскій колоколъ всей землѣ слышенъ,—загудитъ. Міръ зинетъ, камень треснетъ.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, князь Романъ Гагаринъ, князь Ѳедоръ Иванычъ Мстиславскій и двое дворянъ (*входятъ*).

В. И. Шуйскій. Вотъ и бояра... Князь Василій Васильичъ, князь Ѳедоръ, князь Романъ... Вотъ разсудите насъ.

Голоса. Да чего судить-то? Нельзя землѣ безъ царя стоять... Безъ матки рой не держится.

(Толпа стрѣльцовъ входитъ: нѣкоторые въ сумкахъ, съ саблями, но безъ пищалей).

Голоса. Вотъ и стрѣлецкіе... Чего вы тамъ застряли?

1-й стрѣлецъ. Мы въ кремлѣ были. Путемъ вы не сказали головамъ... Они насъ во дворецъ погнали.

Голоса. Просите... Вотъ отрекается, не милуетъ... Бояра, вы-то что-жь?.. Можетъ, онъ васъ послушаетъ скорѣе, своей братьи.

Гагаринъ. Мы на торгу вамъ молвили: перво епископовъ созвать да выбрать патріарха. Не оставлять же пастѣжника на столѣ Петра митрополита да Алексѣя чудотворца.

В. И. Шуйскій. Знамо, потребно о семъ поразумѣть... Перво бы о владыкѣ...

Голоса. Царя перво... За патріархомъ дѣло не станетъ. Это не къ спѣху. Попы обѣдни служатъ, молебствуютъ... Чего еще? А тутъ грабежъ... Вы сами видите... Такое дѣло какъ откладывать?

Гагаринъ *(Голицыну)*. Чужіе пѣтухи поютъ на все село, а на нашихъ тишуинъ напалъ, знать? Ась? Замолкли, слѣдъ простылъ.

Мстиславскій. Знать, квашни крышкой не удержишь... Я говорилъ, князья.

Голицынъ. Застроили теремъ, да хватитъ ли бревенъ. Вѣдь вотъ что, братья: не худо бы землю спросить.

В. И. Шуйскій. Я имъ баялъ... Какъ безъ земли?

Голоса. Мы выборные.

Голицынъ. Отъ кого?

Гагаринъ. Отъ шубниковъ.

Голоса. Какъ такъ? Погоди. Не орите.

1-й посадскій. Покуда землю соберемъ, отъ Москвы одни головни останутся, князья...

Голоса. Вѣрно... Какъ ни виляй, мы не отступимся, мѣсили круто, круто и пеки.

Голицынъ. А вы не горячитесь... не въ два молота... Вѣдь не желѣзо кипитъ. Скоро-то блохъ ловятъ.

В. И. Шуйскій. Наскоро дѣлать—передѣлывать, отцы и братья.

Голицынъ. Безъ думы земской какъ орудовать, вершить такое дѣло?

Стрѣльцы. Москва землѣ указывала... Годунова обрали же безъ земли.

Голицынъ. Какъ безъ земли? Патріархъ, дума обирали въ тѣ поры и выборные были.

Голоса. Да кто были выборные? Ну? Мы знаемъ... Блюдомцы да захребетники ихъ, Годуновыхъ. Ждать неча, братцы... Они изъ-за своихъ бездѣльныхъ корыстей промежь собой учнутъ валандаться, а мы терпи. Ждать неча... Пожаръ въ началѣ туши... Знамо.

Голицынъ. Не всплачьтеся. Волка, глядите, въ пастухи бы не нанять, цѣлы-ль овечьи шкуры будутъ?..

1-й посадскій. Не грози щукѣ моремъ, нагому горемъ, князь... Слышимъ мы не впервые эти пѣсни.

Голоса. Князь Василій Иванычъ... Будь отецъ родной... смилуйся, пожалуй... Насъ ждутъ на площади и у воротъ видимо-невидимо народу... Сила... Откажешься—твоя вина... Того жди, разбушуются... Постойте. Дайте слово молвить... Опослѣ молвишь... Князь Василій Иванычъ... Вѣдь долго думано... И передумывать—тому же быть. Другіе сутки мы на площади гамимъ. Въ стрѣлецкой драки то и дѣло... Да это, драки, бѣды нѣтъ...

Старикъ. Не пошумѣвъ и брага не закиснетъ.

Голоса. Безъ вѣдома земли нельзя вершить эдако дѣло... Ну, вотъ, съ бороной по воду. . Вамъ баяно, отъ міра мы пришли. Мало что отъ міра... Не только звону, что въ Москвѣ... Такъ не Москвѣ-ль городовъ слушаться? Москва всѣмъ мать... Ей, вирямь, не сзади, Христа-ради... Да почемъ знаютъ города, кто годенъ? Ну? Промежь трехъ сосенъ заплутались города-те.

На чемъ Москва, на томъ и города всѣ стой... Пожалуй, не томи насъ, князь Василій Иванычъ. Земля вдовица безъ царя Москва землѣ укащица. Безъ запѣвалы пѣсня не поется.

В. И. Шуйскій. Вѣкъ не забуду я пріязни вашея, а бремя налагаете вы—неудобь посилю и выше силы моея.

Гагаринъ. Вишь, бархотный, а жальцо водится.

В. И. Шуйскій. Куда мнѣ въ кормчіе, въ день лютъ, въ грозу, когда бушуютъ страсти въ насъ во всѣхъ, что волны на морѣ? Гребецъ весло покинетъ,—не бѣда, а буде кормчій въ бурю кормило выпуститъ,—тони корабль. Служить землѣ, радѣть, стоять я радъ и не оставлю, буду, а отъ вѣнца, отъ царскихъ бармъ меня безсильнаго, молю отцы и братья... увольте...

Старикъ *(съ палкою выступаетъ изъ толпы впередъ)*. Рѣчь, княже нечего правдива и вельми твоя... Дни грозные, корабль обуреваемъ волны... Въ бѣдѣ вотъ мы, пловцы безсильные, размысливъ, померекавъ, всѣ излюбили, обрали кормчаго, зовемъ: „стань у кормы, молъ, насъ спаси... Ты съ разумомъ досуже насъ; опричь тебя кораблемъ править некому, мы вѣдамъ". А онъ пловцамъ въ отвѣтъ: „въ весло, пожалуй, братья, сяду я грести, а за кормило не возьмусь, увольте". Что, князь, не грѣхъ въ часъ лютъ отринуть просьбу гибнущихъ пловцовъ тому, досужу, кормчему? Зря на святую Богородицу, отвѣть-ко!

В. И. Шуйскій. Сила Господня въ немощи свершается, я вѣдаю.

Старикъ. Вотъ то-то...

В. И. Шуйскій. Будь немощенъ да чистъ... А я... Всякъ человѣкъ есть ложь, вѣдь, старина. А я... я можетъ вдвое, впятеро васъ лживѣй всѣхъ.

Старикъ. Всѣ бабѣ внуки, князь Василій Иванычъ. На то есть каянье, а отрекаться грѣхъ. . Тебя вѣдь не на пиръ зовутъ—на подвигъ.

В. И. Шуйскій. Буди Его святая воля коли такъ... Миръ порядилъ, знать, Богъ судилъ.

Голоса. Помоги Господи. Вотъ на этомъ спасибо, княже... Здравъ буди царь и великій князь Василій, свѣтъ Иванычъ.

(Бояре выходятъ, кромѣ Ѳ. М. Мстиславскаго. Крикъ на дворѣ: „здравъ буди царь Василій Ивановичъ").

Скажите съ хлѣбомъ-солью, прямо бы во дворецъ. Знамо туда, куда же? Дай Богъ.

В. И. Шуйскій. Дай Богъ, опрежь всего, управить сердце, а бы не мстити никому; въ опалу, въ ссылку, безъ думы не ссылать... На томъ и крестъ животворящій цѣловати мнѣ, а вамъ... *(Обнимается съ княземъ Мстиславскимъ).*

Старикъ. А намъ служити и прямить тебѣ безъ хитрости.

Голоса. Дай Богъ. Мы на томъ души свои дадимъ... Какъ же инако? Прямити, да безъ хитрости.

Комнатный *(входитъ).* Конь готовъ, князь Василій Иванычъ.

В. И. Шуйскій. Перво къ Архангелу, гробамъ отцовскимъ, дѣдпимъ поклониться, оттуда въ домъ Пречистой Богородицы, къ Успенью.

Старикъ. Помоги Господи.

Голоса. Въ часъ добрый.

(Благовѣстъ въ Успенскомъ и въ другихъ церквахъ къ обѣднямъ).

Мстиславскій *(выходитъ).* Оповѣстить бы, спосылать въ соборы-те; съ иконы надо встрѣтить.

Голоса. Погнали въ кремль. Чего оповѣщать? Обѣдни... Слышь благовѣстъ...

II.

Золотая палата. Царь Василій Ивановичъ. (Въ шапкѣ втораго наряда, съ каповымъ посохомъ въ рукѣ, садится на свое мѣсто. Рынды встаютъ у ступеней по одаль съ топорами въ серебряныхъ цѣпяхъ на груди.)

Князь Ѳ. И. Мстиславскій, князья: В. В. Голицынъ, Куракинъ, князь Мосальскій-Рытвинъ, И. И. Воротынскій, Ѳ. И. Шереметевъ, князь Романъ Гагаринъ, князья Дмитрій и Иванъ Шуйскіе, князь Одоевскій, Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, Дьякъ Сыдавный-Васильевъ *(разсаживаются на лавкахъ).*

Мстиславскій. Съ побѣдою, великій государь.

Царь Василій Ивановичъ. Спасибо, князь Ѳедоръ Иванычъ; за службу ратную всѣхъ васъ и за привѣтъ спасибо. По-

чинъ всего дороже... Не комомъ первый блинъ, благодаренье Господу.

Ляпуновъ. А отчего? Самъ потрудился, сѣлъ на коня ты, государь. Всѣ мы и встрепенулися. Въ бою завидишь царскій стягъ, откуда удаль явится. Гляди что оборудовали. Вора лжецаревича Петра повѣсили, Болотниковъ съ повинной пришелъ... Не поведи ты самъ подъ Тулу ратныхъ, воеводы бы до ся мѣста путались.

Царь Василій Ивановичъ. Молитвами святыхъ угодниковъ порадовалъ Господь.

Мстиславскій. А Богъ порадовалъ тебя, и ты порадуй насъ и землю... Мы съ челобитьемъ, государь, къ тебѣ.

Царь Василій Ивановичъ. Съ какимъ?

Мстиславскій. Съ великимъ. Не повелося на Руси того изстарины, чтобъ царь да безъ царицы жилъ. Царь—солнце красное, царица—зорька ясная. Онъ—разумъ, а она—душа. Умъ свѣтитъ истиной, душа любовью грѣетъ. Не отымай угрѣвы у себя и у земли.

Воротынскій. И дѣло то залажено давнымъ давно. Лѣтось еще и по рукамъ ударено... Хмѣлинкѣ перевиться долго-ль молодой—со стороны родительской на дружно.

Царь Василій Ивановичъ. Не погодить ли, бояра? Время тяжелое, не до пировъ. Другое, не насмѣшить бы добрыхъ мнѣ людей. Гляди-ко сѣдины-то... А старый поперегъ постели спитъ, пословица.

Мстиславскій. Съ сихъ поръ да въ старцы? Чтой-то, государь? Князья и бояре пришли съ похода только что. Съ коней не слѣзли. Чего же ждать? Готовы поѣзжане... Дѣло за тобой. Рѣшай.

Царь Василій Ивановичъ. Да коли поѣзжане ждутъ... Чего томить ихъ, маять. Будь ино по вашему.

Мстиславскій. Въ часъ добрый...

Бояра. Дай Богъ.

Мстиславскій. Невѣста, государева царевна, а Богъ дастъ государыня. Царица наша, княгиня Марья Петровна Буйносова-Растовскихъ.

Царь Василій Ивановичъ. Бью вамъ челомъ, князья и бояра, любить и жаловать ее, голубку нашу.

Мстиславскій. Она бы полюбила насъ, а мы полюбимъ. *(Молчаніе).*

Царь Василій Ивановичъ. А то перво подумаемъ о земскомъ дѣлѣ... Что грамоты во всѣ ли города послали?

Сыдавный-Васильевъ. Грамоты почитай всюду посланы, а записи крестоприводной не послали... Ждемъ тебя, какъ повелишь, великій осударь.

Голицынъ. Запись мы такъ удумали не посылать... Не повелось того, чтобы межь думою и осударемъ... крестоприводныя писались записи. Землѣ всей вѣстно безъ записи, кто душу вѣдалъ искони и вѣдаетъ... Бояре мы извѣстные, а стало и царевы думцы.

Лянуповъ. Поволить осударь, посадитъ въ думцы и не боярина.

Голицынъ. Такъ что? Чать вся земля давала душу-то, крестъ цѣловала на томъ, чтобы служити и прямить?

Голоса. На города какъ осударь поволитъ, посылать аль нѣтъ... А на чемъ, осударь, и мы, думные, крестъ цѣловали, то не нарушать то крѣпко.

Царь Василій Ивановичъ. Божіимъ изволеньемъ довелося мнѣ, отцы и братья, прародительскій столъ воспріяти, сами вѣдаете вы, какое трудное время. Бѣда стала земская великая; а стала бѣда съ тѣхъ мѣстъ, какъ Годуновъ, Богъ ему судья, не по мѣрѣ своей возвысился.

Голицынъ. Да для ча не по мѣрѣ? Его вѣдь обрали на царство всенароднымъ множествомъ...

Царь Василій Ивановичъ. Не царска корени онъ, Годуновъ... Оттого и возвышенье не по мѣрѣ. При немъ, а послѣ при ворѣ, иже насъ Богу наказующу, коснулся царскаго вѣнца и прародительскій нашъ столъ восхитилъ, зла и неправдъ мало ли учинилося... Нонѣ исправить зло, по Божьей святой правдѣ, никому не поровя, я и зову васъ, думные... Оправь Богъ праваго... Неправа покарай... Мы смертные, кто передъ Господомъ не грѣшенъ; я съ вами наряду не вдавнѣ въ думѣ-то сидѣлъ... Гдѣ вѣдѣніемъ, а гдѣ невѣдѣніемъ, мнѣ согрубили, я сгрубилъ, аль зло нѣкое учинилъ кому, нонѣ опалу наложи, я, покарай безъ думы, али возвысь ино промежъ васъ молвь: лице-

пріяетъ, мститъ, зло помня старое... Вотъ чего для и цѣловалъ я крестъ святой на томъ абы безъ думы мнѣ дѣлъ не вершити. Правдою царство стоитъ, согласіемъ вѣнчается.

Мстиславскій. Слово вѣрное, осударь. А токмо, запись вѣдь межъ думой и тобой крестоприводная, а городамъ для ча бы о ней вѣдать?

Царь Василій Ивановичъ. А для того, чтобъ знали города и вся земля, что многое чинится не моей волею одной, а по боярску приговору.

Голицынъ. Праведно наше, а кривда—не мое. Да посылайте.

Голоса. Какъ государь поволитъ?.. Въ грамотахъ за все пишется: „бояре приговорили".

Ляпуновъ. Пишется, а все послать бы лѣпѣй, вѣдома для.

Царь Василій Ивановичъ. Пошлите списки съ записи по приговору думы.

Сыдавный-Васильевъ. Слушаю, осударь.

Мстиславскій. Отъ воеводъ, отвсюду вѣсть, что ляхи съ новымъ воромъ въ Калугѣ укрѣпляются... А шляхты, окромѣ той, коя съ нимъ пришла, все пребываетъ къ вору. Надо орудовать. Какъ повелишь, осударь?

Царь Василій Ивановичъ. Я послушаю, какая ваша мысль, перво... А рѣчь вести, какъ повелось, съ молодшихъ...

Голицынъ. Перво бы порѣшить съ послами королевскими... Они безъ мала вѣдь два мѣсяца живутъ въ Смоленскѣ, проѣдаются, а то не любо королю и радѣ.

Царь Василій Ивановичъ. Мало что не любо... А нашихъ пословъ лаять да безчестить любо имъ? Мы первые ссылаться начали, стало мира хотимъ, да они не хотятъ.

Голыцынъ. Покуда рокотъ у нихъ въ Польшѣ, смуты, потуда бы и ладиться... А съ Польшей не лады и у насъ тишина не водворится. Вся сила въ нихъ, это и королю, и радѣ вѣдомо...

Ляпуновъ. Нѣтъ, тоже подаваться, не упираясь, намъ не слѣдъ... Ты молвилъ, князь Василій Васильевичъ, въ которомъ сила вся. Да полно, въ немъ ли сила, да въ ляхахъ ли? Что ляхи сдѣлали бы намъ, кабы мы сами не шатались, не колебались?

Мстиславскій. Старое неча подымать; шатость и колебанье были по грѣхамъ, когда безгосударна земля была, не нонѣ.

Ляпуновъ. Твоими бы устами медъ пить, князь Ѳедоръ Иванычъ.

Голицынъ. Безъ докончанья мира съ королемъ земское нестроеніе не уладится.

Голоса. Слово вѣрное.

Литвиновъ-Мосальскій. Кажучи правду, не такъ виноватъ король, якъ эти радны баламуты, што при немъ сидятъ, да крутятъ. Много и изъ литвиновъ, да еще княжатъ, нашей братьи есть, что хошь и православной вѣры и наша костка, да собачьимъ мясомъ обросла... Допрежь на сеймахъ воеводы и паны прямымъ сердцемъ говорили; я вѣдь бывалъ на прежнихъ сеймахъ, а попѣче сентенцый якы то пошли да эсплыкацыи.... Немѣцки штуки!.. А отчего? Нѣмцовъ, чтобы имъ пусто, улюбили. При Жигмунтѣ первомъ, сладкой памяти, отчего миръ и любовь велись и межъ себя въ рѣчи, да и съ сосѣдями?.. А отъ того, что баламутовъ онъ не слушалъ, а тыихъ нѣмцевъ, якъ собакъ, не любилъ. А нынѣ, побачьте, кто пильнуетъ на сеймѣ, езовиты, або врагъ нѣмцевъ цезарецъ. Такъ якый миръ у биса за тыми злорадцами?

Ляпуновъ. Радцы ли, король ли виноватъ, а намъ свой огородъ надо перекрѣпити, да сторожей надо посажать такихъ, чтобъ были сторожливы, а не лживы. А того для, повольно, осударь, сажать воеводъ, а пуще на Украйну, всей землѣ по выбору, да выборные отвѣчали бы, мала его вина—мошною, велика—головой. Небось, учнутъ ворота крѣпче запирать, а и ни наша животина на чужъ дворъ, ни ихняя на нашъ и не заглянетъ. А будетъ городъ да крѣпка, сторожа зорки, миръ не горюй уставится.

Куракинъ. Охочъ учить ты, вижу я, да не гораздъ... Было бы за кого отвѣчать головами-те... Самъ же ты баялъ: шатость безъ мала во всѣхъ... А гдѣ досужіе?

Ляпуновъ. Какъ не за кого отвѣчать? Какъ гдѣ досужіе? Есть и прямые и досужіе... Какъ имъ не быть? Не лѣзутъ напередъ они, а есть. Вѣдь пустой колосъ выше всѣхъ торчитъ, а кой

съ зерномъ—не высится, нагнулся и не видать его на пивѣ-то. Нѣтъ, слышь, людей... Да не далеко взять: про князя Скопина Михаила Васильича слыхали-ль мы допрежь? Не знаемъ былъ... А погляди, орелъ—не воевода... Много ли настояли противъ него воры-те?

Д. И. Шуйскій. Петръ, воровскій царевичъ, Болотниковъ и всѣ сдалися въ Тулѣ... А подъ Тулою самъ государь стоялъ. Что далѣ будетъ, а пока досужества княжь Михаилова мы не видали.

Ляпуновъ. А кто ихъ въ Тулу-то загналъ, что въ западню? Не князь Михайло, скажешь? Нѣтъ, передъ Тулою на двухъ бояхъ ошеломило ихъ; не вздуй ихъ князь Михайло Васильичъ, они въ Москвѣ бы побывали. Мнѣ дума ихня, воровская, вѣдома... Мы съ Пашковымъ Истомой да съ Сумбуловымъ безъ мала полгода съ ними, ворами, путались.

Царь Василій Ивановичъ. О старомъ нечa поминать... Вины вамъ тѣ отпущены.

Ляпуновъ. Для ча не поминать? Отъ правды дѣться некуда... Подъѣхалъ къ намъ Болотниковъ, совсѣмъ опуталъ бы, не ублажи насъ князь Михайло Васильичъ, дай Богъ ему здоровья... Вотъ ты, князь Митрей Ивановичъ, молвилъ, что не видалъ его досужества. А это не досужество врагу простить? Куда мы угодили, впрямь по своимъ-те дѣяньямъ, на плаху, подъ топоръ? А онъ,—пришли мы въ станъ-отъ, что братъ родной насъ встрѣтилъ, до слезъ довелъ... Да мы-ль одни? Спроси любаго ратнаго... Въ огонь и въ воду всякъ за него пойдетъ. Такъ это тожь досужество врага-то покарать любовью... Вѣдь гдѣ любовь, тамъ Богъ.

Д. И. Шуйскій. Я не хулилъ его, а не хвали въ началѣ, конца дождись... Молодъ мѣсяцъ не на всю ночь свѣтитъ.

Ляпуновъ. Другой и сѣдъ, а совѣсти-то нѣтъ. Вонъ чортъ и старъ, да вѣдь ему не празднуютъ.

Князь Мстиславскій. Такія рѣчи непристойны... Въ думѣ царевой подобаетъ молвити не съ лаю да гнѣвомъ, а истово.

Ляпуновъ. Прости, великій государь и вы князья и бояра, на грубомъ словѣ.

Царь Василій Ивановичъ. Богъ проститъ... Не привередливъ я. Но и грубо слово—не бѣда, было бы къ дѣлу

молвлено... И моя мысль, бояра, намъ съ королемъ и радою не вельми торопиться. Воеводу съ дочерью держать пока на Ярославлѣ; прежнихъ пословъ и папятъ тожь не отпущать до времени... Поляки другаго вора водятъ въ нашей землѣ; статься нельзя, чтобы то дѣялось безъ вѣдома короля и рады... Гдѣ же тутъ дружба? А шлетъ пословъ еще. „Бьемъ вамъ челомъ, а сзади-то коломъ“...

Воротынскій. Буде твоя мысль такова—обождемте.

Мосальскій. А то вѣрнѣе... Песъ ко псу, и то прямо не подойдетъ, перво обнюхаетъ.

Голицынъ. Повременимъ ино... Лишь бы намъ не промешкать черезъ мѣру... А для того не худо бы сослаться съ нашими послами.

Царь Василій Ивановичъ. Сошлемся для вѣстей... Отпуски скажи изготовили бы въ приказѣ.

Сыдавный-Васильевъ. Скажу, государь.

Царь Василій Ивановичъ. Что до иныхъ вѣстей, съ Дону и съ Запорожья такая вѣсть: межъ черни ходитъ молвь о томъ, что здѣсь убили трубачея ляха вмѣсто Отрепьева... А старшины тому не вѣрятъ. И нонѣ указалъ я, не мотчая, памяти на Донъ послати и наказъ, чтобы они Бога попомнили и на милость царскую были попрежнему надежны. А тѣ грамоты на кругахъ казачьихъ вычтя не поодинова, наговаривали бы: этотъ слухъ злорадцы распустили государевы. Вора-убійцу вся Москва видѣла; три дня на площади лежалъ.

Голицынъ. Окромѣ казаковъ много чинится воровства отъ бѣглыхъ. Съ кѣмъ воровалъ Болотниковъ? Съ холопами да съ голытьбой, а ратныхъ разбѣжалось сколько посотныхъ людей?

Ляпуновъ. На городахъ, а пуще порубежныхъ перво бы воеводъ смѣнити, осударь... А то кто тамъ сидитъ? Одинъ хоробръ, да лишь до рати, какъ залѣзъ на полати, другой досужъ, да глядь дыра, а то и двѣ, въ горсти, да въ глоткѣ; пьетъ да деретъ съ живаго и съ мертваго; а третій епанча, что на оба плеча, въ семеры гости ѣздитъ. Вотъ отчего сверчки въ избѣ, а не отъ бѣглыхъ... Что городить-то на пусты лѣса?

Литвинъ-Мосальскій. Да пьяный полбѣды, а тѣ вертихвосты хуже всего. Ось, ты—и на прямикъ назвать: Іуды...

Куракинъ. Каковъ новый-то думный... Ась?

Гагаринъ. Рѣчистъ... Каковъ уставщикъ, таковъ и пѣвецъ. Стало указано ему на сей глазъ пѣти (*громко*). Винить сполагоря. А посиди-ко самъ на рубежѣ, повоеводствуй... Народъ набѣглый отовсюду, воръ... Разбои, шатость...

Ляпуновъ. Бай знай, а я послушаю. Ну, тамъ рубежъ, тамъ шатость, воровство и впрямь, а здѣсь? Здѣсь на Москвѣ въ приказахъ-те, помѣстномъ, погляди, что дѣется? Сколько тамъ челобитій-то лежитъ объ утаенныхъ, вылганныхъ помѣстьяхъ? Попробуй-ка, до правды доберись?

Д. И. Шуйскій. Въ чужи ворота плетью не хлещи, въ твои бы не ударили обухомъ. Здѣсь грѣховодники, а вы, Рязанскіе... За вами нѣсть грѣха!.. Аль былъ да заспанъ?

Куракинъ. Ась? На это што отвѣтить?

Ляпуновъ. На волка молвь... А кто заводчики? Не ваши. Не князь Григорій Шаховской, да не Молчановы, отцы-те крестные ворамъ? Москва землѣ укащица, она въ отвѣтѣ не за себя одну... Да гдѣ вина—ставь всякаго на общу правду... Насъ въ перву голову.

Д. И. Шуйскій. Охъ, правдо любъ.

Ляпуновъ. Глумись; на правду, что на смерть, во всѣ глаза не взглянешь, князь; смигнешь, появится. Вы разжирѣли.

Мстиславскій. Осударь...

Голицынъ. Поволь окончити сидѣны, аль разойтись.

Царь Василій Ивановичъ (*Ляпунову*). Возненавиди грѣхъ, не согрѣшающа. Ты самъ не вдавнѣ молвилъ, чѣмъ привлекли тебя на путь-то истинный? Любовью, словомъ ласковымъ, не гнѣвнымъ. Зла много вѣдаемъ и мы. Я поровить ни чужу, ни роднѣ не буду. За службу исполать, а за вину кара... Гдѣ грозно, тамъ и честно. А круто дерево не гни, сломаешь. Какъ рыбу удятъ вонъ? Сразу-то дерни, глядь оборвалось, а исподволь влеки и поймаешь.

Ляпуновъ (*встаетъ*). Я, осударь, не билъ челомъ вѣдь въ думные... Честь выше мѣры. Я шелъ съ повинною, что блудный сынъ къ отцу родимому... Я душу несъ да голову; вину свою и скорбь великую повѣдать шолъ я и повѣдалъ... И ты явился мнѣ, не яко багряницу царскую носяй, не величатися а,

что отецъ чадолюбивый сыну... Дай Богъ тебѣ... Днесь на совѣтъ меня зовешь ты, государь. Чѣмъ отплатить мнѣ за любовь? Чѣмъ послужить землѣ? Думой да правдой.

Царь Василій Ивановичъ. Правда потребна всюду, всякому.

Ляпуновъ. Да не люба порою, осударь. Торчитъ рогатиной. (*Молчаніе*).

Мстиславскій. Не погнѣвись, а изба крикомъ не рубится... Время бы къ дѣлу.

Царь Василій Ивановичъ. Изъ Крыма вѣсти вамъ всѣмъ вѣдомы; съ ханомъ улажено, по прежню договору, до срочныхъ лѣтъ.

Литвиновъ-Мосальскій. То добре. Не худо и того пса на сворѣ имѣти, а за оказію спустить, нехай, въ кого намъ треба, вцѣпится.

Царь Василій Ивановичъ. А вамъ, князья Иванъ Семенычъ и тебѣ, Василій Ѳедорычъ, мѣшкать здѣсь болѣ неча... неча... Поѣзжайте въ станъ.

Куракинъ. Мы ужь обозъ отправили... Нонѣче въ ночь думаемъ выѣхать.

Литвиновъ-Мосальскій. Да, о ночи, али съ утра поранѣ.

Царь Василій Ивановичъ. Туча растетъ. Поволжье, Астрахань, на Нижнемъ, всюду шатость. Не вѣрится! Мордва, татарове по шерсти, правду держатъ, а русскіе крестьяне кресту враги содѣялись.

Мстиславскій. Грѣхъ царствуетъ... Укоренилась смута. А кручиниться безъ мѣры тожь толку нѣтъ. Худы хоромы, какъ нѣту обороны... Съ ханомъ о помощи намъ не сослаться ли?

Царь Василій Ивановичъ. А моя мысль по ратныхъ буде посылать, такъ къ Сведамъ.

Литвиновъ-Мосальскій. По нѣмцовъ? Да нехай имъ пусто будетъ...

Ляпуновъ. Эго свинью звать въ огородники. Жить надо всякому своимъ умомъ, да и своимъ горбомъ...

Царь Василій Ивановичъ. Мы не на думу ихъ зовемъ, не на совѣтъ, на помощь. Съ Жигмонтомъ видимо добромъ не

кончится. А ратный строй у ляховъ понѣ по новому. Съ рогатиной немного настоишь. Бои не прежніе. Вотъ для того мы и удумали позвати Сведовъ... Глядя на нихъ и наши переймутъ обычай ратный, вдругорядь обойдемся и безъ нихъ. Опять же Свеи не цезарцы... Тѣ съ ляхами своя братья, а эти на ножахъ.

Ляпуновъ. И Свеи та же ягода, не видали ихъ два года, а еще бы пять лѣтъ, такъ и то нужды нѣтъ. Во Псковѣ да и въ Новѣгородѣ кто мутитъ изстарины не Свеи? Нѣтъ, осударь, искати въ нѣмцахъ помочи изъ огня въ полымя лѣзть. Не въ нихъ намъ спасенье... Велика свято-русская земля... Хоша и тученьки надъ ней, а и сквозь тучи кое гдѣ сіяетъ, грѣетъ солнышко... Вражье-то лѣпко, да вѣдь и Божье крѣпко... Молвика слово на всю Русь! Кличъ кликни! А биричемъ пошли того же князя Скопина Михайлу. У сердца уши есть. Возстанетъ старъ и младъ. Управимся безъ Сведа.

Голоса. Правда; дружно—не грузно.

Воротынскій. На словахъ, что на гусляхъ, да на дѣлѣ-то какъ? Что на умѣ-то у кого, по соболямъ, аль по заплатамъ не узнаешь.

Царь Василій Ивановичъ. Созвать не трудно, да перво вы разсудите, люди прибудутъ все болѣ безоружные... А и оружье раздадимъ; посохѣ, пахарю,—дѣло ратное не за обычай... Холопи попривычнѣе, такъ шатость, воровство межь ихъ... Дѣти боярскіе, дворяне тожь, вы знаете, приходятъ кто съ рогатиной, кто съ ржавой саблею, безкопны, голы... другое потомъ помыслить надо: дніе лукавы суть... Врагъ всѣялъ плевелы промежь пшеницы... Иной, я вѣдаю, и съ чистымъ сердцемъ ринется, а рядомъ съ нимъ идетъ и смутникъ. Въ душу-то всякому не влѣзешь. Вы вѣдаете сами, что на городахъ-те дѣется.

Ляпуновъ (*встаетъ*). Меня, великій осударь, уволь отъ думы... Я здѣсь не надобенъ.

Царь Василій Ивановичъ. Я не неволю никого, а всѣхъ молю о единеньи. Согласье, вотъ оружіе и щитъ противъ врага одолѣвающа.

Ляпуновъ. Ина рѣчь звонъ, другая благовѣстъ... Ты молвилъ о согласьи, государь... Согласье тамъ, гдѣ на любовь—любовь въ отвѣтъ...

Царь Василій Ивановичъ. Вотъ за добро замѣстъ спасиба... Ты про любовь поешь, да въ душу-то себѣ бы заглянулъ перво. Тамъ, въ ней, что искрится? Не гордость? Ревность любви сердечной въ смиреніи является, не въ возношеньи...

Лянуновъ. Не возношуся я, а встрѣчно молвлено, за немощь,—не укоризны для, не съ вѣтру, а ради правды молвлено; иной и мягко стелетъ да жестко выспишься. Лесть безъ зубовъ, а съѣстъ съ костями. Пошли Богъ милости тебѣ, великій государь. (*Кланяется и уходитъ*).

Куракинъ. Вскормленный волкъ.

Воротынскій. Вишь взметень.

Шереметевъ. Казнить ихъ надо бы, а не прощать.

Д. И. Шуйскій. Вѣстимо. Руби лѣсъ по корень.

Голицынъ. У часу гнѣвъ, у часу милость; простить, прости... а жаловать не слѣдъ.

Царь Василій Ивановичъ. Бояра. Брань у насъ съ другимъ врагомъ и лютая, не съ ляхами и вирямь, а съ міродержцемъ тьмы и злобы. Вотъ кого преодолѣти надо намъ, а прочіе падутъ, что стѣны Іерихонскія... Идѣже свѣтъ, тьма отбѣжитъ сама... А промежь нами, гдѣ совѣтъ, пріязнь? Гдѣ слово умиленное? Намедни патріархъ насъ поучалъ. Что слышали мы? Гнѣвъ, угрозы. Любовію горяй, ангелъ хранитель съ плачемъ, съ печалью отходитъ отъ грѣшника, не съ гнѣвомъ.

Воротынскій. Смущаютъ и тебя и патріарха, осударь, злорадцы, лестники, шопотники. Вотъ отчего межъ вами и нелюбье.

Царь Василій Ивановичъ. Нелюбья нѣтъ межъ насъ, а и любви общенья, по кому подобаетъ быти межъ царемъ и пастыремъ духовнымъ, вожатаемъ отъ дольнихъ въ горняя, знать по грѣхамъ моимъ, не совершается. Правды неча таить. (*Молчаніе*). Молю васъ всѣхъ, оставимъ нелюбовь промежь собой. Земля родная гибнетъ. Вѣдь не оружіемъ,—согласьемъ грады и царства утверждаются... Помыслите о семъ, не меня ради, ради Господа... Пока простите. (*Уходитъ. Бояра встаютъ съ мѣстъ*).

Гагаринъ. Блаженъ мужъ на словахъ... Послушать любо.

Голицынъ. Нашелъ чортъ клобукъ да на рога нелѣзетъ.

Куракинъ. Что попусту-то лаять. А при немъ такаешь, да гнешься, ровно жимолость. Эхъ, князь Романъ. (*Уходитъ*).

Гагаринъ. Я гнусь... Я гнуся? Князь Василій Васильевичъ....

Голицынъ. Что молвишь?

Гагаринъ. Молвлю что? А вотъ что: летѣло сто гусей; навстрѣчу гусь: „здорово сто гусей“... Нѣтъ насъ не сто, а кабы столько, да полстолька, да ты гусь. Болѣ бы стало? Понялъ?

Голицынъ. Нѣтъ, что-то невдомекъ, о чемъ ты рѣчь ведешь.

Гагаринъ. А вотъ о чемъ. Затяни пѣсенку,—подхватимъ. Вѣдь подголоски есть.

Голицынъ. Спасибо, князь; я эту брагу пробовалъ. Да съ нея нешто, голова болитъ.

Гагаринъ. Не разболится... Заѣдемъ къ князю Звенигородскому, тамъ кой-кто съѣдется. Заѣдемъ, что-ль?

Голицынъ. Заѣхать не хитро, а съ вами, не токмо пива не сваришь, а и отъ солоду отступишься.

Гагаринъ. Сваримъ. Ты не отнѣкивайсь, а солодъ, дрожжи наши. Заѣдемъ, что-ль?

Голицынъ. Заѣдемъ.

Гагаринъ. Вотъ спасибо. А то ни вонъ, ни въ избу ты. Мы и опѣшали.

ДѢЙСТВІЕ II.

I.

(Сѣни на половинѣ Царевенъ во дворцѣ).

Княгиня Александра Васильевна Скопина-Шуйская, княгиня Буйносова-Ростовская, мать невѣсты. Марью Петровну, невѣсту, вводятъ и сажаютъ на мѣсто; она въ вѣнцѣ, одѣта къ свадьбѣ. Сватья-боярыня. Боярыни-гостьи. Дѣвушки въ розовыхъ, голубыхъ, желтыхъ празеленыхъ платьяхъ; стольники у дверей, подлѣ каравая, увѣшаннаго соболями и накрытаго парчою и краснымъ бархатомъ.

Дѣвушки (*поютъ*).

Какъ по бархату,
По червчатому,
Отъ кремля съ Москвы,
Золото кольцо,
Золото кольцо
Покатилося.
У княжà двора,
Промежъ двухъ церквей,
Передъ теремомъ,
Передъ дѣвичьимъ,
Золото кольцо
Становилося.
Выходи княжна,
Княжна Марьюшка,
Княжна Марьюшка,
Свѣтъ Петрова дочь.
Подыми, надѣнь
Жаръ-колечушко
На бѣлу́ ручку.
Во святомъ кремлѣ
Великъ благовѣстъ,
Не къ заутренямъ,

Не къ заутренямъ,
Не къ обѣденькамъ,—
Великъ благовѣстъ
Къ царской радости.
Со бѣла́ утра
Князья, бо́яра
Слуги царскіе
На коняхъ сидятъ,
На нихъ охабни,
Золота парча,
Золота парча
Будто жаръ горятъ.
Ждутъ, пождутъ князья,
Князья, бо́яра,
Молоду княжну,
Княжну Марьюшку,
Свѣтъ Петрову дочь,
Что царевнушку...
Мы тебѣ, княжна,
Спѣли пѣсенку.
Подари ты насъ
Не куницею,
И не соболемъ,
И не серебромъ,
И не золотомъ;
Подари ты насъ,
Красныхъ дѣвушекъ,
Подари ты насъ
Словомъ ласковымъ.

(*Княгиня Марья Петровна кланяется. Дѣвушки подходятъ къ рукѣ*).

Княгиня Буйносова-Ростовская, княгиня Александра, Скопина-Шуйская (*входятъ*).

Буйносова-Ростовская. Спаси Богъ, дѣвушки.

Сватья. Царевна жалуетъ, васъ проситъ... всѣхъ хлѣба ѣсть... Всѣхъ проситъ.

Буйносова-Ростовская. Эхъ, не грусти. Вернется соколъ ясный опять на гнѣздышко. Что дѣлать, время такое нонѣ... И кому служить, коли не молодымъ? Не старикамъ же. За то вечорсь подъѣхалъ къ ратнымъ-те старухи мы и то залюбовались. Пригожій, статный, бронь горма горитъ, конь воронъ лютый звѣрь; полки, что туча. А князь звѣзда; порой межъ облаковъ появится и засіяетъ.

Александра. Бои кровавые страшны, страшнѣе ихъ людская зависть. Толкъ у всѣхъ, слышь не по мѣрѣ честь.

Буйносова-Ростовская. Княгиня, въ мірѣ, что въ морѣ, за-все гулъ.

Александра. Прости покуда. (*Цѣлуются*).

Княгиня Екатерина Григорьевна (*входитъ съ боярынями*). И встрѣчи нѣтъ мнѣ. Эй, поди сюда. (*Подходитъ одна изъ боярынь съ поклонами*). Скажи: отъ государя, слышь, отъ государя, молъ, пришла сама къ царевнѣ я... Ты здѣсь зачѣмъ, княгиня?

Александра. Зашла навѣдаться. (*Уходитъ*).

Екатерина Григорьевна. Воеводша... Скопинъ Михайло былъ у вора чуть не въ поддатняхъ. Великій воевода, а Митрей мой, Иванъ родные братья, Голицынъ князь Василій, столпы земли у Скопина у Мишки подъ рукою.

Одна изъ боярынь (*шепчетъ*). Голицына не будетъ, слышь, на зовъ сказала въ отвѣтъ, что недужастъ.

Екатерина Григорьевна. Кому охота у дверей стоять у притолки тереться межъ постельницъ.

Буйносова-Ростовская. Добро пожаловать. Не осуди, не встрѣтила. Захлопоталась я. Пожалуй, подойди къ царевнѣ-то.

Княгиня Екатерина. Не вмѣстно мнѣ къ царевнѣ подходить; я мать царева посаженная. Тебѣ, чай, это вѣдомо?

Буйносова-Ростовская. Не погнѣвись. Прости. Себя не помню. И радость-то, и страхъ... А тутъ тебѣ одно, другое. Вѣрь, голова кругомъ. Царевна... Маша, Марьюшка. Поди, тебя провѣдать, гляди, пожаловала отъ царя княгиня Катерина Григорьевна. (*Царевна подходитъ*).

Екатерина (*цѣлуетъ ее*). Отъ государя я. Прислалъ спросить, какъ тебя Богъ царевну милуетъ?

Царевна (*молчитъ, потупясь*).

Буйносова-Ростовская. Зазорно ей. До днесь здорова, молъ. Отвѣть же. Да спроси: его Господь, великаго царя, хранитъ ли, молъ?

Екатерина. Царь ждетъ. Готова-ль ты? (*Мать шепчетъ царевнѣ на ухо*).

Царевна. Какъ повелитъ, а я слуга его...

Буйносова-Ростовская. Да все, кажись; молебенъ былъ и съ водосвятіемъ. Мы ждемъ посла отъ государя, зова.

Боярыня-сватья. Царевнушка... Царевна... Чтой-то ты? Зачѣмъ ты съ мѣста-то снялась? Стоять не довелось тебѣ передъ слугой своею... Сядь... Гдѣ это видано? (*Ведетъ царевну подъ руку на мѣсто*).

Екатерина. Кто это? Дура, что ль твоя, княгиня? Аль полоумная?

Боярыня-сватья. Не дура я, а сватьюшка, по царской милости.

Буйносова-Ростовская. Она къ царевнѣ съ царскимъ словомъ.

Боярыня-сватья. Такъ. И ей, царевнѣ, слово слушать то, великое, на мѣстѣ надобѣ, привставъ и поклонясь мало лишь, а здѣсь со всѣми на ряду стоять не подобало. Богъ привелъ мнѣ быть на третьей царской радости. Мнѣ тотъ обрядъ великъ не вновѣ, вѣдомъ. Не погнѣвись.

Екатерина Григорьевна. Была ли, нѣтъ ли ты въ приспѣшницахъ сѣнныхъ, аль въ портомояхъ, а я сидѣла за большимъ столомъ, и днесь сижу за нимъ же, знай... Тебѣ бы выбрать сватью поумнѣй, княгиня. Не полоумную. Прости. (*Уходитъ съ боярынями*).

Буйносова-Ростовская. О, Господи! И тутъ, на радости, и тутъ... Въ заздравную братину меду и въ ту полыни горькой подлила.

Сватья-боярыня. Нѣтъ, не полыни,—яду, княгинюшка... Малъ человѣкъ я есмь, а правду молвлю, хошь въ свѣтлы очи самому царю. Поставить предъ себя... Кого? Царицу! Не въ

мѣру снѣсь... Зазналася она, змѣя. Не наши грѣшныя, другихъ, сиротскія да вдовьи слезы дойдутъ до Господа. Дойдутъ и скажутся тебѣ, княгиня Катерина Григорьевна. Прости, царевнушка. (*Цѣлуетъ руку*). Пошли Творецъ тебѣ архангела-хранителя; твой путь тернистъ и межъ сѣтей. Да сохранитъ тебя Владычица. (*Отходитъ*).

Стольникъ (*съ поклономъ*). Посолъ великъ идетъ къ тебѣ, царевна. Князь Михаилъ Васильичъ, Скопинъ-Шуйскій.

Царевна. Добро пожаловать.

Скопинъ-Шуйскій (*кланяясь*). Царевна, время тебѣ къ злату вѣнцу и Божьему суду идти съ Господней помощью.

Сватья-боярыня (*шепчетъ царевнѣ на ухо*).

Царевна (*встаетъ*). Благослови меня, свѣтъ матушка. (*Прощаніе царевны земный поклонъ матери*).

Буйносова-Ростовская. Господь благословитъ... Въ часъ добрый... (*Плачъ невѣсты и матери*).

Голоса. Дай Богъ... Въ часъ добрый!

Сватья-боярыня. Стольники... Кто съ караваемъ-то? Вамъ за крестомъ. Несите... Путь скатертью.

(*Шествіе. Впереди выносятъ каравай. Гостьи-дѣвушки идутъ попарно съ пѣснею. Вдали благовѣстъ*).

Дѣвушки (*поютъ*).

Разтворяйсь теремъ
Теремъ дѣвичій,
Разстилайсь камка
Путь дороженькой,
Разстилайсь камка
Путь дороженькой....

Княгиня Буйносова-Ростовская. Здоровъ ли, князь? Съ царскою милостію.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Спасибо... милость велика, не въ мѣру. Смогу ли, слажу ли? Я молодъ. Бремя не легкое, какъ поразмыслишь, власть. Въ отвѣтѣ ты одинъ царю и Богу и за себя, а пуще за другихъ: въ огонь, на смерть вѣдь шлешь не одного, а сотни. Да какъ уложишь безъ пути, безъ

дѣла? Слезы вдовъ, сиротъ на комъ? На чьей душѣ? На воеводской. Нѣтъ, я отдалъ бы перначъ. Въ ряду идти повадней, легче.

Буйносова-Ростовская. Богъ творитъ, не мы. Онъ видно, шлетъ тебя. Царево сердце, самъ вѣдашь, въ руцѣ Божіей.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Его святая воля будь. Прости, княгиня... Я дружкою. Царевну встрѣтить надо.

Буйносова-Ростовская. Ты скоро въ путь?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Да послѣ радости.

Буйносова-Ростовская. Дай Богъ; на пиру свидимся. (*Князь Михаилъ уходитъ съ поклономъ*). Душа дрожитъ. Одна, что агнецъ межъ волками, моя голубушка она. И честь, почетъ, въ алмазахъ, въ жемчугѣ, царица, а какъ взглянула я, одѣли, расплели ей давѣ косыньку,—не радость, туга, печаль осенней тучей темною, туманушкомъ на сердце наплыла. Голубкѣ уцѣлѣть хитро межъ ястребами. Гдѣ мотыльку зимою лютой жить? Она душою чистой къ людямъ вся, а люди съ хитростью. Чужа душа—потемки, лѣсъ дремучъ; гдѣ тропку въ томъ лѣсу невѣдомомъ найти ребенку? И лесть, и ложь, осуды, наговоры. Мы, старики, да заплушалися. (*Благовѣстъ*). Идутъ... Помилуй Господи!

(Въ отворенныя настежъ двери видно шествіе; впереди несутъ на носилкахъ каравай, свѣчи... Царь и невѣста въ вѣнцахъ идутъ рядомъ. Благовѣстъ и вдали пѣсня дѣвушекъ продолжаются).

II.

Палата на дворѣ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Освѣщена свѣщникомъ на стѣнѣ. Вечеръ).

Комаръ, Никита (*укладываютъ сѣдла въ коробъ*).

Комаръ. И впрямь, неужто князь въ ночь ѣдетъ? Это и не уложишься. Шеломы, панцыри у бронниковъ. Сабли тожъ въ чисткѣ.

Никита. А вы чего зѣвали, оружничьи? Впрямь ѣхать на поле, а вы тутъ псовъ кормить... Что осовѣлъ? Посылай въ слободу... Везли бы бронь.

Комаръ. Проворенъ ты вельми. Обувшись, паришься. Третеднись отдали... А онъ давай. Небось, не чищена?

Никита. Вези какъ есть. Въ Новгородѣ отчистимъ... Живо... Сани заложили бы.

Комаръ. Хоть бы заранѣ молвили. А то па-ко се. За часъ... И какъ поѣдетъ? Бездорожица... Рѣки не нонѣ, завтра тронутся.

Никита. Ступай... Тебѣ ли баяно? Ты потолкуй еще...

Комаръ. Я спосылаю. А рѣчь о томъ, что безтолковщина. *(Уходитъ).*

Никита. Вишь, стремяна нетѣ... Ахъ, псы проклятые... Гляди ты, и приструги тесмянныя привѣсили. Вѣдь знаютъ, олухи, тесьмы не любитъ князь, ѣздитъ съ ременными.

Дьякъ Зиновей Васильевичъ Сыдавный, Семенъ Васильевичъ Головинъ.

Головинъ. Дома-ль, хозяинъ отъ? Гдѣ вы слоняетесь. На сѣняхъ ни души...

Никита. Съ ногъ сбился, Семенъ Васильичъ. Дома... Воротился изъ дворца... У княгинь надо быть... Я доложу... (*Уходитъ*).

Головинъ. Опять сбирались у Голицына, ты говоришь?

Сыдавный. Нешто. Спачала всѣ съѣзжались къ Звенигородскому, а теперь съѣздъ у Голицына Василья. Заводчикъ пущій тутъ всему князь Романъ... Звенигородскій бубенъ... Такъ гудитъ безъ пути, на вѣтеръ... Зажига князь Романъ... Онъ всѣхъ задоритъ.

Головинъ. А царю вѣдомо?

Сыдавный. Сказали. Да толкъ какой? Сыскъ учинить велѣлъ, а въ сыщикахъ Корчагинъ, перелетъ вѣдомый У вора въ таборѣ живмя живетъ. Поѣдетъ на волковъ, а самъ стрекнетъ невѣсть куда.

Князь Михаилъ Васильевичъ (*входитъ*). А я васъ жду. Ужь посылать хотѣлъ. Куда вы запропастились? Я ѣду, ждать нечего. Часомъ опоздано, недѣлей не вернешь. Скоро-ль съ новгородцами столкуешься... А безъ казны—безъ рукъ. Гостей-то назовемъ, да было бы чѣмъ подчивать.

Головинъ. Собрать, сберутъ, да много ли? Мнѣ думно, больно-то не раскошелятся.

Сыдавный. Топоръ дадутъ, возьмемъ и топорище. У Бога не безъ милости.

Головинъ. Въ Опсковѣ рознь великая, слухъ есть. Большіе люди соберутъ, а какъ съ мизенными, съ посохой. Да съ нихъ и взять-то, правда, нечего.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Нѣтъ, и меньшихъ какъ обходить? Копѣйки-те спорѣе въ земскомъ дѣлѣ. Вонъ церкви Божьи на Руси святой, спроси-ка, чѣмъ стоятъ? Копейками, лептою.

Сыдавный-Васильевъ. Вѣрное слово, князь. Онѣ пріемнѣй Богу-то... Другое дѣло, у меня дѣдъ говаривалъ: на аспида и василиска, батъ, скорѣй наступитъ лапоть, чѣмъ сапогъ сафьянный. Не погнѣвитесь, сапогъ-отъ шьется съ каблукомъ; изъ-подъ него какъ разъ лукавый вышмыгнетъ, а изъ-подъ лаптя врядъ ли.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Правда, Зиновей Васильичъ, правда.

Головинъ. Отписки къ воеводамъ посланы?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Не велѣлъ я... Напутаютъ... Да и не любятъ воеводъ.

Сыдавный-Васильевъ. А пуще дьяковъ... Всяко дыханіе любитъ даяніе. На это заговѣнья нѣтъ.

Головинъ. Не разорятся... Богаты новгородцы-те... жемчугъ одоньемъ мѣряютъ.

Сыдавный-Васильевъ. Да, вѣдь, свинья сыта вонъ, а все жретъ... Такъ и богачъ-отъ...

Князь Михаилъ Васильевичъ *(задумываясь)*. Да... Что Богъ дастъ. Вотъ-съ Вычегды откликнулись, спасибо. Съ казною, кои пріѣхали, такъ сказывали, толкъ идетъ и межъ посадскими, и межъ посохой: „всѣ старъ и младъ пойдемъ, царь повели“.

Головинъ. Нагнать народу не хитро, да что въ немъ? Всѣ-ль бойцы, а кормъ давай, знай, всякому, а гдѣ казна-то?

Князь Михаилъ Васильевичъ. И безъ людей, безъ рукъ. А пуще шатости бы не было по волостямъ. Вѣдь отъ гро-

зы всѣ въ кучу, либо въ рознь, а надо не зѣвать, ковать желѣзо покудова кипитъ... Король уладится съ панами, того и жди, нагрянетъ на Смоленскъ... Эхма и крылья есть, а безъ когтей бить нечѣмъ... Что-жь мы сидимъ? Эй, кто тамъ есть? *(Хлопаетъ въ ладоши. Входитъ комаръ)*. Готовить коней.

Головинъ. А къ государю?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Я вѣдь былъ на отпускѣ.

Комаръ. Да не уложено... Помилуй, князь. Возы не собраны...

Князь Михаилъ Васильевичъ. Какіе возы? Мнѣ пошевни.

Комаръ. Броня у мастеровъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Я стану ждать васъ... Опослѣ отправить... Это что еще? *(Швырястъ ногою уздечки и стремена)*.

Комаръ. Наметы конскіе, уздечки, сѣдла твои княжи нарядныя.

Князь Михаилъ Васильевичъ. На что они? На свадьбу ѣдемъ, что-ль? Ступай. *(Комаръ уходитъ)*. Отписки съ городовъ, на милость, всѣ ли взялъ ты, Зиновей Васильичъ?

Сыдавный-Васильевъ. Всѣ взяты, князь. Все взято.

Никита *(вбѣгаетъ)*. Государь.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Что? Государь?

Никита. Пріѣхалъ въ одноконкѣ... Ужь вышелъ изъ саней. На верхній всходъ идетъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Самъ государь?

Никита. Нешто́; мы диву дались...

Князь Михаилъ Васильевичъ. Огонь у васъ тамъ есть ли? Посвѣтить... Въ такую пору? Самъ? *(Уходитъ съ Головинымъ)*.

Сыдавный-Васильевъ. Ужь не содѣялось ли что? Времена шатки... Жди всего. Помилуй Господи.

Царь Василій Ивановичъ *(въ шубѣ и ѣздовой шапкѣ)*. Изъ печки уголь у тебя не выпалъ ли, Михайло? Вотъ, вишь, и гость нежданный, что съ крыши снѣгъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Нежданный, да желан-

ный, осударь. Не осуди; въ рубахѣ встрѣтилъ. Да въ палаты бы, тутъ у меня...

Царь Василій Ивановичъ. Не въ одѣяніи, не въ ризахъ толкъ. Парча не сдѣлаетъ свѣтлѣй того, кто весь внутри-то сгнилъ да омрачился. (*Садится*). Ты тоже въ путь, Зиновей?

Сыдавный-Васильевъ. Нешто, за княземъ вслѣдъ.

Царь Василій Ивановичъ. Путь добрый. Выдьте-ко... Мнѣ съ нимъ потреба побесѣдовать наединѣ. (*Сыдавный и Головинъ кланяются и уходятъ*). Вѣрны, вѣрны, а все съ ушами; береженье лучше вороженья, пословица. Вотъ и тебѣ совѣтъ мой стариковскій: не довѣряйся никому, ложь есть всякъ человѣкъ. А ты-таки довѣрчивъ; весь на распашку, какъ расходишься... Рысь пестра сверху, человѣкъ снутра. Какъ поживешь съ мое, увѣдашь, душа-то человѣка—моря глубь.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Я на прямикъ иду, надежа, осударь, а знамо, тайну хранить надо.

Царь Василій Ивановичъ. На прямикъ... Я шелъ, что ты не молвишь на прямикъ-отъ. „Ты свѣтъ очей нашъ, осударь. Мы за тебя въ огонь и въ воду". Я и растаялъ, весь разсолодѣлъ. Вскипѣла голова сѣдая... Эхъ, думаю, взмою подъ небеса орлинымъ летомъ. И рипулся, анъ,—глядь, а на ногахъ-то путы. Ты слышалъ ли, что замышляется?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Голицынъ князь Василій слышно. Я давѣ говорилъ тебѣ.

Царь Василій Ивановичъ. Одинъ ли тутъ Голицынъ. Ихъ нѣсть числа Голицыныхъ. Воръ къ Тушину идетъ, къ Москвѣ... А къ нему то и дѣло бояра шмыгаютъ. Идутъ переговоры, слышь; съ Украйны, татарва со всѣхъ концовъ валятъ. Съ Зарайска вѣсть отъ князя Митрея Пожарскаго: въ Рязани смута. Прокопка Ляпуновъ за милости въ отплату мутитъ, какъ чортъ въ болотѣ, вновь; слышь, за одно съ Голицынымъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Іуда.

Царь Василій Ивановичъ. Да, простясь съ тобой, иду къ вечернѣ,—глядь, гонецъ отъ Шеина; король уладился съ панами... Порѣшено идти на радѣ на Смоленскъ. А вѣсти есть и съ нимъ бояра шепчутся... Помогу не послать ли къ Шеину? Какъ твоя мысль?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Какъ тебя Богъ извѣститъ, осударь, а моя мысль пообождать... Дороги портятся. Ранѣ весны осады ждать нельзя; за бездорожицей имъ пушечный снарядъ не переправить. А ратныхъ лишнихъ нѣту, у дѣла всѣ на городахъ. И здѣся безъ служилыхъ какъ тебѣ быть?

Царь Василій Ивановичъ (*молчитъ*). Рѣчь дѣльная. Что до тебя, ты на рубежъ со Сведами рядиться пошли Сыдавнаго съ Семеномъ, давъ толмачей, а самъ орудуй въ Новѣгородѣ, во Псковѣ, какъ Богъ внушитъ. Татищевъ тамъ, держи его на привязи. Сума онъ перемѣтная. Съ новгородцами пооглядясь, тому, другому перво тихонько, на ухо: вотъ на Москвѣ, молъ, что ворами замышляется. А смута на Москвѣ, и вы не чайте, молъ, что васъ бѣда минуетъ. А что до пошлинъ, до торговъ, до мыта, дума-де у царя хранити то, пока по старинѣ не набавлять, а Богъ дастъ миръ и тишину, такъ мысль, молъ, сбавить. Ихъ золотой удой лови, новгородцевъ; тамъ дружба въ Калитѣ; мѣшокъ тугой, такъ братъ родной, а прогорѣлъ — чужанинъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ. И ѣхать неотложно надо, и тебя страшно покинуть, осударь.

Царь Василій Ивановичъ. Какъ быть? Вѣдь, царь да нищій безъ товарищей. Тамъ ты нужнѣе. А пуще, ради Господа молю тебя, Михайло, побереги себя. Будь чистъ какъ голубь, мудръ что змій. За кожей нѣту панцыря. А ты имъ многимъ солонъ, знай. Ума тебѣ не занимати стать, а пылъ попридержи. Въ рѣчахъ тожь, разбирай кому и какъ потребно молвить. Лучше ногой споткнуться, неже словомъ. Задумалъ что, до времени знай про то самъ да изголовье. Испытуй всякаго сильна и мала. Не море топитъ, лужа заурядъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Въ уймѣ не безъ звѣря, въ людяхъ не безъ лиха, осударь. Я молодъ, а бывало, учивали и меня, и не одинова.

Царь Василій Ивановичъ. Вотъ то-то. Счастью, удачѣ тожь не вѣрь... Судьба и мать, и мачиха; ино и противъ шерсти гладитъ... Въ отпискахъ, мнѣ ли въ руки, въ приказы ли, не разглагольствуй, бумаги клокъ далеко волочетъ. Что до меня, Михайло, знай, я на тебя какъ на свою душу полагаюсь. Межъ

нами тайны нѣтъ и да не будетъ. И тутъ ни братъ, никто. Одинъ будь крестъ святой.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Родимый дядюшка! я давѣ душу всю свою, что на духу, всю объявилъ тебѣ въ крестовой.

Царь Василій Ивановичъ. И съ той поры въ отца тебѣ я мѣсто, помни. *(Обнимаетъ его)*. А ты въ сыновне мнѣ. *(Молчаніе)*. Что мать, опочиваетъ что ли?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Какó опочиванье въ проводы...

Царь Василій Ивановичъ. Кликни ее, да и хозяйку... *(Князь Михаилъ выходитъ)*. Страшно... Душа дрожитъ у меня за него... Уходятъ... Черезъ него шагнутъ измѣнники ко мнѣ... Всѣмъ взялъ... Смышленъ и смѣлъ, да прямъ вельми... А прямо-то напорешься... Ужь развѣ Богъ поможетъ, а съ людьми будь въ праздникъ на лицо, а въ будни—на изнанку.

Княгиня Ольга *(входитъ)*. Свѣтъ ты нашъ...

Княгиня Александра *(входя)*. Осударь...

Царь Василій Ивановичъ. Не чаяли? Незваный гость съ полагоря. Званый тяжелъ. Садитесь-ко... Званый тяжелъ, княгиня... Садитесь... Свои мы здѣсь. *(Князь Михаилъ входитъ и становится подлѣ стула царя. Княгини садятся)*. Тебѣ поклонъ пріѣхалъ я отдать, княгиня Олена, поклонъ великій, низкій.

Княгиня Елена. Не въ мѣру милость, осударь. За что?

Царь Василій Ивановичъ. За воеводу новаго, за сына. Будь въ очи, за очи, а правду молвлю: яблоко недалеко отъ яблоньки упало. Душа твоя въ немъ, свѣтлая... *(Княгиня Елена кланяется)*. Твоя... Да и чему дивить? Впрямь кто, молитву дѣя, ночи, ночь зимнюю длинную безъ сна сидитъ надъ зыбкой? Мать. Чью молвь сердечную впервые сердце слышитъ, пьетъ, что вешня травка росу? Молвь матерню. На что вотъ я старикъ, а вспомнится она, родимая, повѣришь ли, тепломъ пахнетъ весеннимъ, всплачешь, и на душу тебѣ изъ дальней дали, годовъ младенческихъ, глядишь, повѣяли и миръ, и благодать. Дивятъ, что я люблю его, что отличаю. Чему дивиться-то? Я одинокъ. Одинъ какъ перстъ. Жена еще ребенокъ, голубокъ... Окрестъ измѣна, зависть, ложь. Надъ головой плывутъ за тучей туча, одна другой темнѣй. На сердцѣ мракъ, что въ сѣни смерт-

нѣй. И вотъ, во мракѣ семъ, звѣздой, лазурью чистою, нежданно, мнѣ душа его глянула. Я ожилъ вѣдь, воспрянулъ, просвѣтлѣлъ. Знать, Царь небесный, думаю, не до конца на меня, грѣшнаго, прогнѣвался. Помысли, какъ мнѣ не любить его?

(Княгиня Елена кланяется).

Князь Михаилъ Васильевичъ. Дай Богъ мнѣ послужить тебѣ по силѣ по мочи. Охота есть, разуму хватитъ ли?

Царь Василій Ивановичъ. Въ сосѣди не пойдешь по разумъ. А берегись. Воевода небесныхъ силъ, Архистратигъ великій да охранитъ тебя. *(Обнимаетъ князя).* Прости. *(Встаетъ).* Простите.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Прости, надёжа, осударь. *(Княгини кланяются, всѣ идутъ провожать).*

Царь Василій Ивановичъ. Да что я былъ у васъ—молчите... Никому ни слова, будь промежъ насъ; я изъ дворца уѣхалъ крадучись. Скажи, трезвонъ пойдетъ. Простите... Ночче ѣдешь ты?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Готовы кони...

(Княгиня Александра плачетъ).

Царь Василій Ивановичъ. Съ Богомъ... Путь скатертью... Хозяюшка, гляди, не надрывай ретиваго. И ты, сестра... Поплачь, поплачьте, какъ безъ того... А убиваться грѣхъ. Грѣхъ тяжкій... Богъ не безъ милости.

III.

Тушино. Мартъ мѣсяцъ. Лунная ночь. Шалаши, палатки, лавочки, новыя избы; вдали дворецъ тушинскаго вора; кое гдѣ разложены костры. Казаки, поляки, голытьба, жиды, сидятъ около теплинъ и бродятъ около шалашевъ и лавочекъ.

Кашеваръ *(вылѣзаетъ изъ шалаша).* Эй, кашевары, одралобы васъ... Куда всѣ подѣвались? Хворосту наруби-ка, паренекъ; вонъ, въ шалашѣ топоръ возьми... Зябнется нешто, морозно, къ ночи-то... Гдѣ у меня тулупъ-отъ? Не слипялъ-ли? Тутъ вѣдь народъ-отъ изъ подъ сосенки. *(Молодой парень достаетъ топоръ и уходитъ).* Это что? Ни человѣкъ, ни встошь... Живъ-ли? Аль подохъ?

Мужикъ *(просыпается),* Чего тебѣ?

Кашеваръ Чего? Аль проспалъ разумъ-отъ? Ужинать время. (*Парень приноситъ хворостъ*). Разведи костеръ... Я котелъ достану. (*Уходитъ*).

Мужикъ. Ладно. (*Укладываетъ теплину*).

Парень. На вотъ крысало, чѣмъ бѣжать-то за огнемъ... Мнѣ надо за крупой сходить. ((*Уходитъ*).

Мужикъ. Ступай, я разведу.

Рыжебородый казакъ (*входитъ*). Смѣнились чтоль?

Сторожевой. Како смѣнились. Ждемъ. Пятки отстояли. Иззябли на смерть. Вишъ неурядица какая. Сходи, скажи уряднику. Какого лѣшаго стеречь-то тутъ не вѣдомо. (*Ходитъ взадъ и впередъ*).

Князь Шаховской, Князь Романъ Гагаринъ и князь Звенигородскій.

Шаховской. Не вѣрю я тебѣ ни на волосъ, не сѣтуй князь Романъ. Ты куда вѣтеръ дуетъ. Семь пятницъ у тебя на недѣлѣ-то.

Гагаринъ (*выпивши*). Не вѣрь... Что-жъ я по твоему христопродавецъ? Крестъ цѣловали вмѣстѣ, чай.

Шаховской. Не ты бы баялъ князь, не я бы слушалъ Что крестъ-то путать тутъ? Прости мнѣ, неколи. (*Уходитъ въ одну избу*).

Гагаринъ. Прощай. Ну, князь Григорій, попомнишь, ой попомнишь ты меня, дай срокъ. И царекъ твой помянетъ князя Романа и неодинова.

Звенигородскій. Не выгораетъ. Плохо.

Гагаринъ. Выгоритъ. Не хотятъ съ нами во едино сердце быть; мы стрекопемъ и въ Польшу, шепнемъ словечко королю. Ихъ не по шерсти гладятъ въ Польшѣ-то... На гетманство наѣхалъ князь Рожинскій къ нимъ. Этотъ не Мѣховецкій; къ рукамъ ихъ подберетъ всѣхъ, перелетовъ.

Звенигородскій. Я не пойму тебя... И впрямь, ты словно бѣсъ вертишься. Король то что-жь?

Гагаринъ. Какъ что? Мы по губамъ и короля помажемъ. Наплетемъ турусы на колесахъ королю... съ княземъ Рожинскимъ,

стало, сладимся. Клинъ клиномъ выбивай. Спихнуть бы Шуйскаго, а тамъ пойдетъ по маслу дѣло. Какъ князь Василій сѣлъ, мы ляхамъ въ тотъ же день: „вотъ вамъ, молъ, Богъ, вотъ двери“.

Звенигородскій. Хитро.

Гагаринъ. А какъ безъ хитрости? Плоха та мышь, коя одну лазейку знаетъ. Ты, князь Григорій, вороватъ, ну да и насъ не оплетешь. Хоть подлѣ лѣсу родились, да не пнямъ молимся. Зайду къ татарину, къ Мурзѣ Урусу.

Звенигородскій. Это еще зачѣмъ?

Гагаринъ. Несмѣтливъ ты. Вотъ къ Мѣховецкому не забѣжалъ. Да тамъ запущено,—мутятъ... помяни мое слово, всѣ они перегрызутся межъ собой, что крысы въ западнѣ. Вѣдь звѣря-то берутъ не за-все псами, а и тенетами. Ну раскусилъ-ли? Эй, молодцы! Донецъ, подь-ка сюда. Гдѣ тутъ Касимовцы? Мурза Урусъ гдѣ тутъ живетъ? Не знаешь ли?

1-й казакъ. Вонъ крайняя изба бояринъ, что подлѣ вышки. Тамъ всѣ татарове стоятъ. Ихъ таборъ.

Гагаринъ. Спасибо. А многоль здѣсь донцовъ-те?

1-й казакъ. Донцовъ? Да сотни три чай наберется.

Гагаринъ. Только то. А князь Григорій давѣ говорилъ за тысячу. Была квашня, да знать гулять ушла. Пойдемъ. Время и на Москву намъ. (*Уходитъ*).

Князь Романъ Кириковичъ, Наримунтъ Рожинскій, князь Шаховской, пахолокъ (мальчикъ съ флягою черезъ плечо) выходятъ изъ избы.

Рожинскій. Ты, мувишь, князь о вашей венераціи, какъ къ рѣчи Посполитой, такъ и къ королю. Отъ такой, вашей, венераціи бороны Боже. Что до меня, я прибылъ царю на помощь съ соизволенья короля и рѣчи Посполитой, и буду требовать во-первыхъ, абы платили его милости, моему пану, королю и рѣчи благодарностью; во-вторыхъ, чтобъ рыцарство и войско вѣдало меня лишь, гетмана, чтобы ни вы, ни царь вашъ Митрей, аль бо якій тамъ выходецъ якъ молвь идетъ, не смѣли путаться въ мои орудія... Холопъ, налій мнѣ водки (*Пахолокъ наливаетъ. Князь Рожинскій пьетъ.*).

Шаховской. Онъ прирожденный царь, не выходецъ.

Рожинскій. Якой породы онъ, шляхетской, царской, хлопской,—до сего мнѣ дѣла нѣтъ. Я слуга моего пана короля и присланъ гетмановать, по волѣ рыцарства, въ помощь ему, царю. Мувитъ мнѣ царь вашъ: треба идти въ походъ, на крымца, москаля, на дьябла. Добре. Я булаву беру... на конь и веду рыцарство. Побили москаля, татарина, якого ни па есть тамъ пса. Царю не нужна болѣ помощь. Хорунки свернуты. Царь заплатилъ карбованцы тамъ сколько треба. Труби походъ. Гайда все рыцарство и я геть къ королю въ рѣчь Посполитую. Пахолокъ, вудки. *(Пьетъ)*.

Шаховской. Попомни, князь, у царя дума есть боярская. У войска конфедерація.

Рожинскій. А развѣ я не слушаю конфедераціи? Вчера былъ кругъ, а понѣ снова коло у рыцарства. Я слушаю конфедерацію.

Шаховской. А вечорсь саблю выхватилъ, облаялъ Мѣховецкаго неподобной лаею.

Рожинскій. Во первыхъ, всякому то вѣдать надлежитъ, что родъ князей Рожинскихъ, нашъ, идетъ отъ его милости круля Наримунта довѣчной славной памяти; а во-вторыхъ, я гетманъ рыцарству и войску. Ergo, могу-ль я допустить, я, князь Рожинскій, чтобъ нѣкій тамъ, дьяблы-бъ его до пекла взяли пса, якій тось Мѣховецкій смѣлъ прерывать мою эксиликацію. Я рѣчь велъ къ рыцарству, я здѣсь съ соизволенья короля и рѣчи Посполитой, по волѣ рыцарства, а онъ самъ по себѣ пройдоществомъ пенензами, нехай бы сгибъ якъ гадина, пробрался къ булавѣ. И чтобъ онъ смѣлъ... Смѣлъ мнѣ... Пахолокъ, вудки. *(Пьетъ)*.

Слуга (*съ булавой въ рукѣ*). Конь готовъ, ксенже. Рыцарства вже съѣхалось до кола.

Рожинскій. Добре... Булаву. (*Слуга подаетъ булаву*). До забаченья, князь.

Шаховской. Мы на кругу увидимся. Я буду вмѣстѣ съ государемъ. Вотъ удружилъ король... прислалъ помощника; и диво, царь равно съ сырымъ яйцомъ съ нимъ возится. Души не слышитъ... А гордъ, шестомъ съ земли до черта не достанешь. Хоть брось все дѣло съ нимъ. (*Уходятъ*).

Кашеваръ и парень (*съ мѣшкомъ*). Вонъ онъ, котелъ то здѣсь... Вали крупу... Вода то есть-ли?

Парень. Есть.

Татаринъ. Добра человѣкъ. Слышь, бачка... Гдѣ намъ сѣна тутъ бирать?

Кашеваръ. Сѣна? Да что ты лошадь что-ль? На что-те сѣна-то?

Татаринъ. Не мене, отъ князя я... Касимовцы... лошадка голодаетъ... Солома ѣстъ... Бѣгать не станетъ отъ солома.

Кашеваръ. Ступай вонъ къ казакамъ... Спроси у нихъ.

Татаринъ. Спасибо, бачка. (*Уходитъ*).

Кашеваръ. Добьешься сѣна тутъ... Самимъ-те варишки жевать придется скоро. Слышь, сухари везли третеднись изъ Калуги,—отбили Москвичи... Ну что же ты копаешься?

Мужикъ. Да не горитъ. Сыро, знать, сучье то... лядъ его вѣдаетъ. Вонъ гляди.

Кашеваръ. Эхъ вы безпалые. Дай-ко сюда; какъ не горитъ? Вишь какъ взялось. Чего тебѣ еще? Подставь-ка бороду-то, слижетъ... Ты откудова?

Мужикъ. Елецкіе... съ Ельца.

Кашеваръ. Сычужникъ. Это у васъ вѣдь курица утенка вывела?

Мужикъ. Глумись.

Кашеваръ. На что глумиться. Былъ вѣдь грѣхъ. Бѣги-ка, накачай водицы вотъ въ ушатъ. Сходи вотъ съ паренькомъ-то. (*Парень и мужикъ уходятъ съ ушатомъ*).

1-й казакъ, 2-й казакъ, ярыжка входятъ.

Ярыжка. Вотъ шапку бы купили, молодцы. Куница,—соболь. Вишь, а верхъ, гляди, парча, что маковъ цвѣтъ, гормя горитъ... Не дорого бы взялъ я... Смерть выпить хочется...

1-й казакъ. Проваливай.

Кашеваръ. Ты потаскай ее. У насъ братъ тутъ покупщики найдутся.

Ярыжка. Думашь?

Кашеваръ. Что мнѣ думать-то? Съ руками оторвутъ. Пинковъ пятокъ возьмешь, а то и весь десятокъ всыплютъ въ бокъ, какъ раскошелятся. (*Ярыжка изчезнетъ*).

Кашеваръ. Эхъ, кашица ушла! Молодцы, поглядите за котломъ-те, я за свѣжиной побѣгу. Не дѣлять ли у ставокъ?

1-й казакъ. Ладно. (*Садится къ котлу*).

2-й казакъ. Такъ-таки и повѣсили. Зачто же?

1-й казакъ. Спроси. Мы привели его, вора, сами—съ Царицына сюда. Думаемъ, милостиво слово будетъ, а тутъ за мѣсто милости шесть человѣкъ и вздернули.

2-й казакъ. Лыко съ ремешкомъ не вяжись. Сидѣли бы дома.

1-й казакъ. Знамо не повели бы, знато да вѣдано. А все паны мутятъ.

Урядникъ, молодой казакъ входятъ.

Урядникъ. Эхъ вислопяты, пра... Десять верстъ лѣсомъ шли, дровъ не видали... Черти... Съ Москвы сегодня на свѣту везли овесъ на Серпуховъ... А вы слонялись ротъ розиня, не знамо гдѣ... Свищи въ кулакъ теперь вотъ безъ овса-то.

Молодой казакъ. Намъ сказано стеречь Можайку. Мы тутъ и ѣздили.

Урядникъ. И вышли всѣ бараны... Уставили бѣльма-те въ пустое мѣсто и стоятъ гуртомъ... Вамъ надо было по сторонамъ поѣздить, поглядѣть. Еще десятникъ. На трехъ свиней мякины не раздѣлитъ, чортъ. Чего стоишь? Вели разсѣдлывать.

Молодой казакъ (*уходитъ*).

Урядникъ. Кто на вѣстяхъ?

1-й казакъ. Безпаловцы. Чередъ ихъ сотнѣ.

Урядникъ. А къ Троицѣ... къ Сапегѣ, кои въ станъ ушли что-ль?

1-й казакъ. Голомя. Чѣмъ свѣтъ прошла вся сотня. Былъ на кругу-то ты?

Урядникъ. Былъ. Ну ихъ всѣхъ къ лѣшему и съ кругомъ-то.

1-й казакъ. А что?

Урядникъ. Да, чортъ свинью стрижетъ, визгъ на всю улицу, а шерсти нѣту.

1-й казакъ. Будетъ-ли толкъ. Два гетмана, одинъ одно, другое. Вотъ у Сапеги на стану я энта ѣздилъ, толку-то болѣ...

А что мы давѣ собрались, смекали, махнуть бы сотнямъ на Москву съ повинной.

Урядникъ. Ну это, братъ, съ сѣдла на уголья, въ Москву-то... Ужъ коли чортъ занесъ, не мазавши колесъ, съ Калуги насъ. Терпи, куда дѣваться то?

1-й казакъ. Знамо идти, такъ голову нести... Не расквелишь, да не разжалобишь ее Москву-то.

Урядникъ. Не будь пановъ, орудуй атаманы, спорѣй бы дѣло шло. Вотъ запорожцы отчего и не пошли. Они имъ знаемы, паны-те. Вечорсь опять, слышь драка у васъ была съ пахолками?

1-й казакъ. Была на водопоѣ. Мы коней повели на водопой, а они порты моютъ въ проруби. Ну, слово за слово. Да погамѣли бы и разошлись. Антипка, прахъ его возьми,... карявый съ Зиновейской, Силы Деменьтьева своякъ, возьми да одного и окуни, крестить давайте, батъ, ихъ казаки глаголей; ну и пошла тутъ свалка... Въ Антипку шестеро вцѣпились, повалили... Какъ быть? Мы выручать, и разгорѣлися.

Урядникъ. Поколотили ихъ таки?

1-й казакъ. Бока помяли человѣкъ пятку, почешутся... Да лошади боярскія насъ спутали, вздурились. А то бы тѣмъ не кончилось... (*Уходитъ.*)

Шутъ Кошелевъ. Рязанецъ. Вологжанинъ.

Рязан. Ты здѣшній штоль? Не слыхать съ круга, скоро ли разойдутся?

Шутъ. Не скоро.

Рязан. Что такъ?

Шутъ. Да, воеводы разумомъ поизносились, а рядцы-то протухли съ головы. Безъ погреба у насъ. И тронулись маленько. Вотъ и стоятъ, во всѣ глаза глядятъ. Толкуютъ всѣ заразъ, ну слушать то и некому.

Рязан. Дѣло... А ты кто будешь?

Шутъ. Я то? Да самъ не вѣдаю. Такъ, тварь. Съ мозгомъ-то съ мозгомъ, пирога конецъ отрѣжь весь съѣмъ по самы персты. Было и пузо и добро, да голомя, давно. А будетъ ли впередъ, кума не разберетъ... Паны третеднись на кругу съѣзжались, баяли, разбогатѣю къ осени, либо къ зимѣ, какъ зайцы вытрутся.

Вы лучше мнѣ скажите, правда ли, что на Москву жаръ-птицу ждутъ изъ моря? Тамъ слышно чудеса творятся.

Нанялся, слышь, сѣрый волкъ въ пастухи,
Свинья лѣзетъ въ огородники,
Лиса ладитъ куръ, цыплятъ стеречи,
Медвѣдь въ пасеку въ работники.

Рязан. Я не съ Москвы, не знаю.

Шутъ. Откудажь ты?

Рязан. Я дальній.

Шутъ. Съ воли знать? Изъ гуляй волости? У насъ есть эки те. Все у царя помѣстій просятъ, съ утра до вечера ханжатъ сердечные. У меня дядя былъ родной, царство ему небесное, бывало нечѣмъ платить долгу, шасть на Волгу. И заработаетъ, глядишь, блоху за пазуху, а не то вошь въ рубаху.

Рязан. А ты не лыкомъ шитъ, я вижу, дядя?

Шутъ. Дратвой. Дратвой я шитъ. Что дѣлать-то? Не книженъ, а подстриженъ. Издали ничего, а поглядишь поближе, съ трещиной.

Рязан. Надбитый крѣпче баютъ.

Шутъ. Крѣпче горшокъ. А нашъ братъ человѣкъ Богъ вѣсть... Это на водѣ вилами написано. А ты отколѣ?

Вологжанинъ. Съ Вологды.

Шутъ. Вологду воеводы пропили. Знать жить-то вамъ и негдѣ... Къ намъ въ гости; просимъ милости, опричъ хоромъ, хошь всѣмъ дворомъ. Гляди, вы тоже по помѣстья? Пирогъ съ крупой, такъ всякъ съ рукой, вотъ какъ плеть съ узломъ, лучше прочь бочкомъ.

Рязан. Ты, весельчакъ, не все бы вралъ, что помнишь. Не ворошь угля, пальцы обожжешь.

Шутъ. Ой, ой, какой сердитый. Ась? А я хотѣлъ вамъ пѣсню спѣть. Пропѣлъ бы и теперь, да не обѣдалъ. Вѣдь на тощакъ попъ да пѣтухъ поютъ. Развѣ сказать вамъ присказку?

Рязан. Скажи.

Шутъ. А какъ разсердишься?

Рязан. Задѣнешь по уху, такъ сдачи дамъ. Мели да мѣряй.

Шутъ. Нечѣмъ. Нечѣмъ мнѣ мѣрять-то... Осьмину Моск-

вичи украли. Ну ее присказку ино, скажи тебѣ, пожалуй вздуешь... У меня шкурка-то, хоть не соболья, а своя. Молчать, мнѣ этта знахарка болтала, будто здоровѣе.

Рязан. Здоровѣй, вѣрно.

Шутъ. А мнѣ гребтится, гуси прилетѣли ли? Пора бы имъ по времю-то. Герасимъ вонъ грачей пригналъ. Съ недѣлю прилетѣли. Все бѣлоносые. Вотъ на полѣ у насъ, прилетятъ, сядутъ, посидятъ, туда, сюда поводятъ носомъ те, послушаютъ, гдѣ пѣтухи поютъ, порхъ на Москву, на бѣлокаменну... Тамъ поглазѣютъ, посидятъ на площади, аль у Николы красной звонъ, понюхаютъ чѣмъ пахнетъ, не пирогами; поднялись на Тушино, опять къ намъ въ гости. Просимъ милости. Вотъ коршунъ птица воръ, а грачъ, прахъ его вѣдаетъ, ни онъ шальной, ни съ придурью. Глупая птица.

Рязан. Не умна. Да тутъ у васъ, чай птицы всякой много. Одинъ ли грачъ?

Шутъ. Есть таки, есть, землякъ... Есть птица всякая. Вотъ птица есть у насъ ворона, этой бы все по заслонамъ. Богата... Что ей? Не житье, а маслинца. Есть турахтанъ, воевода... Этотъ изъ Польши, гдѣ всѣ больше. Селезни есть торгаши—гости, утки, купецкія жонки... галки... Ну эти черницы, все молоды молодицы... Воронъ у насъ во игумнахъ... о масляной въ Ростовѣ изловили...

Рязан. Баютъ, вы въ клѣткѣ его держите?

Шутъ. Нѣтъ, это врутъ... А крылья мы ему съ концовъ подрѣзали. Есть бѣлобока сорока, съ ножки на ножку скакала къ верху подолъ подымала; куропать есть безтолкова, изъ куста въ кустъ знай летаетъ, дому, помѣстья не знаетъ. Всѣ у насъ птицы въ работѣ, въ думѣ великой, заботѣ. Звѣрье есть тожь... кои на привязи, а кои такъ на волѣ ходятъ. Волкъ есть у насъ, тотъ овчинникъ; мишка медвѣдь—кожедерникъ, заинька—сѣрый, калашникъ. Лисанька есть, мастерица, эта продастъ те и купитъ, дологъ хошь хвостъ, не наступишь; съ ней зазѣвайся, братъ, смажетъ; проворовалась,—не скажетъ.

Шахов. Что ты слоняешься болванъ?

Шутъ. А своей масти ищу... Ей, умники .! По клюкву (*убѣгаетъ*).

Шахов. Ну что въ Москвѣ?

Вологжанинъ. Да пока добраго мало.

Рязан. Не то што, а... ни сукъ, ни крюкъ, и не рогатина.

Шахов. Въ стрѣлецкой были ли?

Рязан. Были.

Шахов. Что же стрѣльцы? Какая у нихъ дума?

Рязан. Да что, на вилахъ стали... кто поглядимъ, кто полежимъ да померекаемъ.

Шахов. Скопинъ уѣхалъ?

Вологжанинъ. Уѣхалъ голомя. Ему быть надо въ Новгородѣ.

Шахов. Съ Новгорода къ намъ прислалъ гонца Татищевъ. Вѣсти оттуда пока добрыя. Полушки ломанной не дали Новгородцы. Скопинъ назадъ, слышь, ѣдетъ.

Рязан. Вѣсти съ нашести, князь... Началу вѣрь, а конца тоже жди... Уладятся... Уповать нечего на это, надо орудовать. Чего паны сидятъ? Окладывать медвѣдя время...

Шахов. Сапега уже подъ Троицей. Нарядъ уставили, сегодня былъ гонецъ, и окопались. Завтра палить учнутъ.

Рязанецъ. Троица Троицей, а вамъ отсюда надо напирать, съ Тайнинскаго. Дороги всѣ занять къ Москвѣ. Какъ шведы подойдутъ съ княземъ Михайломъ — поздно будетъ. Вершити дѣло не медля надо, а вы недѣлю обуваетесь. Засижено яйцо—болтунъ.

Шахов. И съ пылу то хватать обжечься. Вонъ, сунулись намедни мы. Что вышло? Сшиблись и закивали пятками. А калужанъ чертей, что вѣтромъ сдуло. Кто черезъ тынъ, а кто въ овинъ. Вотъ оно торопиться-то.

Рязанецъ. Просо полоть, руки колоть, пословица. Упалъ, такъ не лежи, а пытайсь на ноги... А долѣ ждать, царю бы не довлѣло, князь.

Шахов. Вы здѣсь ночуете?

Вологжанинъ. Нѣтъ, ночевать бы не зачѣмъ. Намъ думно коней покормить, да въ путь. Мы, вѣдь, въ Рязань отсюда.

Шахов. Дѣло. Я повидаюсь съ царемъ, пришлю по васъ. Гдѣ вы пристали-то?

Вологжанинъ. У Сдобнова.

Рязанецъ. Онъ съ сапогами здѣсь... Подлѣ татарска табора лавчонка у него.

Шахов. Найдутъ. Не уѣзжайте-же. (*Уходитъ*).

Вологжанинъ. Подождемъ... Пути не будетъ... Безтолковщина.

Рязанецъ. Гдѣ бы пахать, а они руками махать. (*Вдали проходитъ Марина, закутанная въ соболью шубу съ отцомъ, двумя паннами и прислугою. Всѣ подымаются въ дворцовое крыльцо*). Гляди еще наѣхали... Двѣ бабы... Глянь. А это вѣдь, гляди, она.

Вологжанинъ. Кто?

Рязанецъ. Сорока; такъ и есть. Бѣжала, знать, съ дороги-то. Ее вѣдь съ Ярославля въ Польшу отпустили съ отцомъ. И прежніе послы съ ней же отъѣхали. Видно, разбили провожатыхъ. Вотъ-те на!... Пойдемъ посмотримъ ко дворцу. Ой ой... Вотъ братъ, когда мятель подымется... Гдѣ чортъ вѣдь самъ не сладитъ, бабу шлетъ... Подёмъ. (*Уходятъ*).

Князь Рожинскій, Мѣховецкій Саноцкій, ротмистръ **Будзило.**

Саноцкій (*хохочетъ*). Нѣтъ, не могу. Бока болятъ ажь у меня отъ смѣха... Ты то помысли, ксёндже, на Москвѣ провѣдаютъ, что утекли... Доложатъ этому волу, помысли, Шуйскому. Вотъ будетъ дивоваться. Онъ помѣшается... Потѣха!...

Мѣховецкій. Но какъ же? Стража билась, я мыслю, съ нашими?

Саноцкій. У стражи лытки задрожали. Всѣ разбѣжались отъ гусаръ Зборовскаго куда попало. Трусы москали... Но вы помыслите, что будетъ на Москвѣ? Нѣтъ, я умру отъ смѣха.

Мѣховецкій. Диву дадутся тамъ.

Кн. Рожинскій. Мы ждали ранѣ васъ.

Саноцкій. Запоздали... Царица трафила прибыть вчера, иль ночью, но кони притомѣли; по дорогѣ отъ самой Бѣлой ни души на ямахъ, всѣ разбѣжалися. Едва мы коней добыли. Его милость воевода и Олесницкій верхами ѣхали.

Мѣховецкій. Рыцарство, ясновельможный пане, ждало съ

великимъ нетерпѣніемъ ее милость царицу. Оно будетъ въ восхищеніи.

Саноцкій. Дзенкую рыцарство отъ имени царицы... А ты давно-ль здѣсь, ксёндже? Гдѣ ты оставилъ его милость круля?

Рожинскій. Чёкай... Але ты, панъ... якъ тебя звать, забылъ. Повѣдзь, какое право ты имѣлъ привѣтствовать и молвить гратуляцію царицѣ отъ всего рыцарства? Да ще при мнѣ, великомъ гетманѣ?

Мѣховецкій. Я гетманъ тожь, по волѣ рыцарства.

Рожинскій. Ты?! Чтобъ тебѣ...

Саноцкій. Панове!...

Рожинскій Чёкай. Ты подлостью, пенензами выклянчилъ булаву, я вѣмъ; но нонѣ рыцарство тебя прогнало, аспида, отсюда.

Мѣховецкій. Брешешь. Войско раздѣлилось на двое. Ты гетмануй своею половиной, а я своей.

Рожинскій. Свиней пасти тебѣ не гетмановать... Войско тебя изгнало за злорадство.

Мѣховецкій. Ксендже!

Рожинскій. Я перевѣшаю тѣхъ галгановъ, кои не будутъ слушаться. И перваго тебя повѣшу пса... Ты, клямза, подлостью раздоры дѣешь въ войскѣ.

Саноцкій. Ксендже!

Мѣховецкій. То водка мувитъ, а не ты.

Рожинскій. Цо, вудка? Бей его, коли такъ, пане ротмистръ.

Будзило. При саблѣ панъ, аль при палашѣ? (*Дерутся*).

Саноцкій. Панове!

Рожинскій. Прочь, але я пана пошлю до тартара.

Будзило и Мѣховецкій (*дерутся*).

Саноцкій. Что вы затѣяли? Вы губите себя и насъ... Эй кто тамъ? Эй?...

(*Въ окнѣ дворца показывается Марина*).

Кн. Шаховской (*вбѣгаетъ*).

Саноцкій. Князь!.. помоги... Остановитесь, али я... (*вынимаетъ саблю и кидается на дерущихся*).

Марина. Братъ...

Шахов. Царица, не ходи. Опомнись.

Марина. Они убьютъ его. Панове...

Мѣховецкій (*падаетъ*).

Рожинскій. Здохъ песъ... Пахолокъ, вудки. (*Пьетъ*).

Казаки, поляки сбѣгаются со всѣхъ сторонъ.

1-й казакъ. Бьютъ нашихъ... Эй, труби всполохъ. Бьютъ нашихъ.

Рожинскій. Быдло... Стой...

Голоса. Какъ, быдло? Эй, бери пищали... (*Выстрѣлы*). Въ сабли москалей! Гайда... Эй, братцы... Ратуйте... (*Выстрѣлы чаще, трубятъ тревогу*).

Марина. Цо? Смута? О! Погибнетъ все... Царю повѣдать. Смута въ таборѣ. О, Боже!

(*На крыльцѣ показывается завернутый въ шубу самозванецъ. Драка и выстрѣлы усиливаются. Конецъ городка загорается. Вдали набатъ*).

ДѢЙСТВІЕ III.

I.

Новгородъ. Апрѣль, первыя числа.

Площадь на торгу. Вдали виденъ Софійскій соборъ. Раннее утро; народъ толпится около лавокъ, съ вышекъ выглядываютъ женщины. На право крыльцо, накрытое коврами.

1-й посадскій. Ну что, догнали?

Умойся грязью. Чать, видишь... Ко встрѣчѣ изготовились.

2-й посадскій. Гдѣ догнали? На Ивангородѣ?

Умойся грязью. На Невѣ. Стоялъ сердешный въ шалашахъ. На Ивангородъ не пустилъ его, измѣнникъ, воевода Салтыковъ.

1-й посадскій. Вишь, воръ. Съ вами пріѣхалъ князь? Будетъ на торгъ-отъ?

Умойся грязью. Во слѣдъ за нами прибылъ. У святой Софьи онъ. Молебенъ служитъ. И владыко тамъ въ соборѣ. Отмолебствуетъ, да и на торгъ, баяли, пріѣдетъ неумедля.

Псковичъ. За дѣломъ, нечего, вернули? Съ Москвы прибыли наши. Гвоздь, да Бубенъ Ѳедоръ; баютъ, Ростовъ и Ярославль и Володимеръ, всѣ города какъ есть, цѣловали крестъ царю Митрею. А на Москвѣ, не нонѣ, завтра, тожь ждутъ царицу и царя Митрея.

Умойся грязью. Вретъ твой Бубенъ. Слышали звочъ, да не вѣдаютъ гдѣ онъ.

Псковичъ. Чего имъ врать? Своими ушами слышали. Всѣ за Царя Дмитрія, а намъ Новгородцамъ да Опсковичамъ, за Шуйскаго что за корысть стоять? Вы какъ на Новѣгородѣ хотите, хоть въ омутъ влѣзьте головой. Опсковичи вамъ не товарищи. Опсковъ своимъ умомъ живетъ. Мы въ сторону. Въ Москву идти, казну нести. А довѣдись у насъ нужда какая, голодъ, аль бо что, Москва небось не расколешится, не всплачетъ.

Голоса. Знамо разнобоярщина Москва. Горбатая... Съ носка она бьетъ, Москва-то.

Умойся грязью. Не погрѣшите... Бѣда стала великая мірская нонѣ; всей землѣ бѣда. Хутынскій монастырь горитъ. Ляхи подъ Новымгородомъ. А не помочь въ бѣдѣ, одно не покрестьянски, а другое и намъ бѣды не миновать. Вотъ что...

3-й посадскій (*съ хлѣбомъ солью*). Дайте пройдти. Хлѣбъ-соль хотимъ мы князю поднести отъ гостинной Ивановской братчины. Да опоздалъ я. Гдѣ подавать-то?

Умойся грязью. Встань вонъ къ крыльцу. Вонъ мѣсто князю приготовили. Тамо и встаньте всѣ.

Псковичъ. Хлѣбъ-соль еще... Ихъ помеломъ отселѣ.

3-й посадскій. Эхъ, жаль... Какъ бы я те по рылу съѣздилъ, въ ушахъ бы зазвенѣло. Пра... Да, лихъ, нельзя... Вотъ, блюдо дѣть мнѣ некуда. (*Идетъ къ рундуку*).

Псковичъ. Попробуй. Вишь по рылу. Попытайсь. На Москвѣ они тамъ бѣсятся, другъ друга гложутъ, псы, а мы платись. Они и такъ сидятъ у насъ вотъ гдѣ, москвичи-те.

Дворянинъ Горихвостовъ. Гожи и Псковскіе... Ести, братъ, гуси и у васъ. Пронеси Богъ черезъ Великую, Ивановъ мостъ, да Троицкій погостъ. Розуете отца роднаго, протяни ноги-те.

Псковичъ. За то въ хомутъ не лѣземъ, а вы шеи-те про-

тянули... Всѣ пойдемъ. А съ чѣмъ? Поляки съ пушками, а вы съ чѣмъ? Съ клюшками? Эхъ, лапшеѣды.

Дворянинъ Горихвостовъ. Опсковъ не спросимъ съ чѣмъ идти. У васъ четыре середы, семь пятницъ на недѣлѣ-то, болотники; лягушку на цѣпь посадили, думали песъ. Вечорсь въ стрѣлецкой, на крестцѣ, не вы орали „старъ и младъ пойдемъ", назюзились. „Зовите князя!" А нонѣ скислись, на попятный дворъ. Бестолочь вы, вотъ что. Ноги подъ столомъ перепутали.

Голоса. Знамо. Вечорсь одно, нонѣ другое. Не тому Богу молитесь. У нихъ во Псковѣ, братцы, вѣдь попы хлѣбъ пекутъ, а попадьи молебны служатъ.

Псковичъ. Да кто оралъ? Ператовы, да Яшка Перстень, блюдолизы ваши Новгородскіе... Мы ихъ прогнали изъ Пскова-то. Прихвостники у воеводъ.

Горихвостовъ. Не вѣдамъ кто, а ваши Псковскіе орали.

Голоса. Ѣдетъ. Посторонитесь, братцы. Баба, не лѣзь..., сомнутъ. А это кто съ нимъ? Гляди, пѣтухъ какой. Знать нѣмецъ. Умойся грязью. Шведъ и то; видно, пріѣхали со Свеи.

Князь Михаилъ Васильевичъ, Семенъ Головинъ, князь Делагарди, Татищевъ, два стремянные; всѣ на коняхъ; слѣзаютъ съ коней и входятъ всѣ за княземъ Михаиломъ Васильевичемъ на крыльцо. Стремянные у лошадей.

Князь Михаилъ Васильевичъ (*принимаетъ хлѣбъ соль и кланяется низко на всѣ стороны*). Святой Софіи, свѣту великому владыкѣ Исидору, воеводамъ, посадникамъ, гостямъ посадскимъ, чорнымъ людямъ, всему Новгороду великому, со младшимъ братомъ Псковомъ, челомъ бью азъ, воевода по царской милости и князь Михайло Васильевъ Скопинъ-Шуйскихъ.

Голоса. Здорово князь, Михайло Васильевичъ. Просимъ милости. Не погнѣвись за то, что съ поначалу мы тебя, свѣта, обидѣли, не такъ какъ надо встрѣтили. Смута была межъ насъ.

Князь Михайло Васильевичъ. Старое поминать сохрани Богъ меня, отцы и братья; и вы забудьте я молю... А кто помянетъ — глазъ вонъ. Такъ-ли?

Голоса. Коли не такъ? Спасибо. Перва ссора лучше послѣдней, сказано. Да кака ссора? Такъ, сдурилися.

Кн. Мих. Вас. Я зла не помню, а добра вѣкъ не забуду.

Вѣдайте... Вамъ за хлѣбъ за соль... А миротворцу Владыкѣ Исидору поклонъ земной меня привелъ Богъ справить нонѣ за любовь. Воистину великій пастырь стаду.

Голоса. Дай Богъ совѣтъ намъ да любовь.

Кн. Мих. Вас. Спаси васъ Богъ. А то перво есть слово у меня до Новгорода, до Пскова, слово великое. Большіе и мизеніи, ко всѣмъ вамъ это слово! Кто старъ отецъ, кто молодъ братъ. По старинѣ, слыхалъ я, молвилось: сердце на Волховѣ, а душа на Великой. Я съ чистымъ серцемъ къ вамъ, не съ кознями, съ прямой душою. Такъ, уповаю, сердце сердцу вѣсть подаетъ, а душа душу слышитъ.

Старикъ. Изъ старины такъ молвилось, а слова стараго не сдвинешь, князь великій. Твердо словцо-то старое.

Кн. Мих. Вас. Отцы и братья! въ великомъ Новѣгородѣ, надъ святой Софьей крестъ животворящъ горма горитъ, а свѣтитъ крестъ и на Москвѣ у насъ, знай вороги, таковъ же надъ Успеньемъ. Святая вѣра на Руси, на Кіевѣ, въ Новѣгородѣ, всюду, одна крестьянская. Стало, всѣ братья мы, родные братья, по ней, той вѣчной матери. Всѣ города, вся Русь одна семья велика стало. Старцы поболѣ насъ, молодшихъ, жили, поболѣ видѣли, спросите ихъ, они вамъ скажутъ, чего тутъ ждать, когда семья вся врознь, не во едино сердце, когда вражда межъ ней и братъ на брата, сынъ на отца идетъ? Будетъ ли миръ, да Божья благодать въ такой семьѣ? Спросите.

Голоса. Какого ждать добра тутъ, и какой миръ въ раздорѣ?

Псковитянинъ. А отъ кого раздоръ-отъ, князь?

Голоса. Молчи!

Псковитянинъ. Постойте. Нѣтъ, ты скажи отъ насъ ли завелся раздоръ?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Гнилыя бревна есть у насъ въ избѣ, мы не таимся. А и у васъ здоровъ ли срубъ, не подгнилъ ли по звеньямъ гдѣ, смотрите. Всѣ виноваты мы, всѣ до единова. А вина въ томъ, что всякъ въ чужой рубахѣ блохъ-то ищетъ, а не въ своей.

Голоса. Правда великая. Прямое слово, князь Михайло. Правду ты молвилъ, князь.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Всякъ о себѣ тужи, себѣ почаще въ душу заглядывай, а не другимъ. Спорѣе. Одинъ бы такъ творилъ, другой, да третій, анъ встрепенулась бы земля, воскресла и не громили бы ее, родную, вороги.

Голоса. Еще бы... Знамо... Мы другъ на друга всѣ, а надо какъ? Другъ за друга.

Князь Михаилъ Васильевичъ. А Богъ за всѣхъ. И не было бы грузно.

Умойся грязью. Князь! Князь Михаилъ Васильевичъ. Вотъ что, послужитъ Новгородъ Великій и Псковъ землѣ, сколько Богъ помочи пошлетъ. Такъ что ли, братья?

Голоса. Послужимъ. Много ли тебѣ ратныхъ-те? Да это, всѣ пойдемъ. Казну сбирайте знай.

Псковитянинъ. Опсковъ не спорщикъ. Отъ міру не прочь. А токмо съѣздить надо намъ.

Голоса. По разумъ что-ль? Что по горохъ, съ лукошкомъ. Съѣздить, вишь! Вали въ едино сердце. Чего вамъ ѣздить-то? Нагаломъ сваи бьютъ.

Псковитянинъ. Да съ міромъ не поспоришь. Ино пойдемъ. Есть что ли кто со Пскова?

Голоса изъ толпы. Идемъ всѣ, старъ и младъ. Впередъ не забѣгай, а сзади не отстанемъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Господь заплатитъ вамъ, отцы и братья. Печа мнѣ баять вамъ, что дѣется у насъ. Чай вѣдаете сами... Все до конца поругано злымъ поруганьемъ. Стары города, извѣчные стояльщики за вѣру, Ростовъ, Переяславль, Владиміръ и Нижній-градъ шатаются, сдались, крестъ цѣловали вору.

Голоса. До чего дожили... Господи твоя воля. Воротятся.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Святой Софіи домъ,— старъ Новгородъ, Опсковъ — домъ Троицы Живоначальной, не посягнутъ на Кремль въ Москвѣ, на домъ заступницы Руси святыя всей, я вѣдаю.

Голоса. Храни насъ Богъ. Спасибо за любовь. Всѣ старъ и малъ пойдемъ, бѣда не минетъ.

Умойся грязью. Давно бы сладились мы, князь, да были смутники,—мутили.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Правда, что солнце; не заслонишь ее. Взойдетъ, освѣтитъ норы-те всѣ разомъ.

Голоса. Князь! Чего молчите? Рязановъ... Гористовъ. Здѣсь чтоль?

Горихвостовъ. Я здѣсь.

Голоса. Отписки съ вами?

Рязановъ. Здѣся.

Голоса. Такъ подавайте. Князь, ты къ намъ душою всей. Долгъ платежомъ красенъ... И мы къ тебѣ... Знай: за плечами, за тобой стоитъ измѣнникъ. Вотъ онъ. (*указываютъ на Татищева*).

Горихвостовъ. Отписки есть къ нему отъ Шаховскаго и Кернозицкаго (*подаетъ отписки*).

Князь Михаилъ Васильевичъ. Очамъ не вѣрится. Татищевъ, ты?

Татищевъ. Ко мнѣ писали, чай, не я. Вольно писать, что хошь, и къ кому вздумается, всякому. Не погрѣшите.

Голоса. Измѣнникъ вѣдомый. Кто наговаривалъ не пускать князя въ Новгородъ? Не ты?

Татищевъ. Лгутъ, что на мертваго.

Голоса. Самъ лжешь. Змѣя онъ подколодная. Не вѣрь ему, князь Михаило Васильичъ, выдастъ, продастъ тебя.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Отцы и братья, кровь виновнаго вода, а праваго бѣда. Одумайтесь! Слово нелегкое вы молвили: „измѣна!“

Голоса. Не наобумъ то молвлено. Худая трава съ корнемъ вонъ. Сюда его.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Ни съ мѣста. Перво судить... Татищевъ признавайся.

Татищевъ. Не въ чемъ. То клевета.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Обидь меня—вотъ Богъ видокъ, прощу. А въ земскомъ дѣлѣ — встрѣчу... Съ дороги прочь! Копемъ стопчу, что гада.

Голоса. Измѣнникъ вѣдомый.

Князь Михаилъ Васильевичъ. А міръ винитъ,—міръ и суди. А міру Богъ судья. На Ярославовъ дворъ его ведите. (*Садится на коня. Татищева уводятъ*). Кличъ кликнуть по концамъ. Да ко владыкѣ съѣздите, посадники.

Старикъ. Князь... Князь... Бѣгай кто помоложе. Разгорѣлся. Убьютъ, разнимутъ вѣдь, князь, смилуйся. Суди его Господь, не мы. Чужа душа потемки.

Князь Михаилъ (*съ коня*). Мы по любовь сюда, а ты раздоры сѣять. Креста нѣтъ на тебѣ. Веди (*уѣзжаетъ*).

Голоса. Веди знай, Разберемъ, А то увѣдаютъ измѣнники другіе, учнутъ крамольничать. Ведите. Бей его. Чего вести?

Старикъ. Убьютъ. Охъ не гожо! Отцы и братья, смилуйтесь. Великъ день нонѣ въ Новѣгородѣ. Любовь вѣдь воцарилась

Умойся грязью (*вбѣгаетъ*). О, Господи! Что дѣется Разбушевались.

Старикъ. Бьютъ! бьютъ, гляди! (*Вдали крики толпы*).

Умойся грязью. Убитъ. Убили до смерти. Князь наскакалъ съ боярами... Куда-те, смяли. Страсть что дѣется.

Старикъ. Я баялъ. Отдать вину-бы надобѣ. Вскипѣлъ, что дѣлать, разгорѣлся князь... Отцы и братья (*сходится толпа*), почтимъ всѣмъ городомъ страдальца, похоронимъ съ честью въ монастырѣ Антоньевскомъ. Князь, знаю я, пріѣдетъ попрощаться. Не намъ судить, что на душѣ-то у кого. За судъ неправъ тяжелъ отвѣтъ. Вѣдь не свѣча предъ Богомъ встанетъ, а душа на страшномъ судищѣ.

Голоса. Еще бы. Дѣло. Такъ и учинимъ. Мы виноваты.

Умойся грязью. Жаль. Чѣмъ кончилось? Впрямь, день его же сотвори Господь, день міра да любови. А тутъ, гляди-ко-сь, кровь. Вотъ баютъ „міръ". Вожакъ міру-то надобенъ: безъ вожака, безъ головы. Не перевязанъ снопъ—солома!

II.

17 февраля 1609 года.

Суббота на масляной. Золотая палата. Царское мѣсто. (*Вдали слышенъ набатъ*). **Гордуша. Двое стрѣлчихъ. Патріаршь дьякъ.**

Гордуша. Вѣдь это въ Стрѣлецкой набатъ опять? Господи твоя воля! Былъ ты у государя-то?

Патріаршій дьякъ. Былъ. Все разсказалъ, какъ повелѣлъ Владыко,—стрѣльцовъ просилъ прибавить, сторожевыхъ, къ патріаршу двору, къ воротамъ. Не опомнимся. Разумъ послѣдній потеряли.

1-й стрянчій. Легкое-ли дѣло? На кого руку подняли... Какъ ворвались они въ соборъ-отъ? Чай сторожа вѣдь были?

Дьякъ. Сломили сторожей. Вѣдь за два ста ихъ привалило, а не болѣ-ли, воровъ, съ Сумбуловымъ.

2-й стрянчій. Святѣйшій ужь въ соборѣ былъ?

Дьякъ. Въ соборъ владыко шелъ по переходамъ; пабатъ заслышалъ, баетъ: „что это звонъ великъ"?—А казначей ему: да надо, къ утренямъ, владыко.

1-й стрянчій. Неужто и князь Василій Васильичъ пріѣзжалъ въ соборъ?

Дьякъ. Поѣдетъ-ли Голицынъ? А, баютъ, ждалъ на Красной площади. Я собирался къ утрени, не успѣлъ помолиться, взялъ шапку, выхожу на крыльцо, гляжу, отецъ Пафнутій бредетъ дворомъ, горько плачетъ... Что за притча, думаю; а сердце такъ и замерло. Догналъ я его: „что ты, отецъ святой?"—Бѣги, батъ, на площадь. Владыку повели измѣнники на лобное. „Что ты, въ умѣ-ли?"—я ему, а у самаго въ глазахъ померкло, еле не упалъ. Выходимъ за ворота, стрѣльцы бѣгутъ съ пищалями. Я вслѣдъ за ними, безъ нихъ не протискался бы въ ворота-те. Покуда пробрались, глядимъ, онъ, свѣтъ, стоитъ на лобномъ, съ посохомъ и въ клобукѣ. У меня поотлегло, перекрестился, думаю: „слава тебѣ Господи; хоть живъ и невредимъ отецъ нашъ".

2-й стрянчій. Народу много было на площади?

Дьякъ. Сперва немного, а послѣ стало прибывать. Да народъ стоитъ какъ ошеломѣлый, никто не вѣдаетъ, о чемъ гамятъ затѣйщики. Кои у лобнаго кричатъ, грозятся кулаками, нехристи. Продрался я кой-какъ, бокамъ досталось, слышу, владыко, громогласно таково: „какъ не всею землей обрали? Крестъ цѣловала вся земля царю Василью. Солгалось, знать, про именитыхъ, да старыхъ людей, что они градамъ краса, землѣ защита. Нонѣ, батъ, старые люди и молодыхъ къ погибели ведутъ".

1-й стрянчій. Дѣло. Что же Голицынъ-отъ?

Дьякъ. Что, Голицынъ? Сидитъ знай на конѣ, потупился. Отъ правды не уйдешь. Сумбуловъ, Грязный ринулись было, что псы съ ласю, на ступеньки, на лобное, да народъ, спасибо, кои впереди, сгребли ихъ и попятили. А Аникита іеромонахъ,

вотъ сборщикъ съ Угрѣши, откуда не возьмись, гляжу, пролѣзъ впередъ, да и давай ихъ отставлять назадъ, всѣхъ по единому; возметъ за шиворотъ и переставитъ; стрѣльцы тутъ подоспѣли, учали грѣть прикладами. Какъ увидали душегубы, что плохо дѣло, и попрятались.

Гордуша. Баютъ, грозились во дворецъ идти?

Дьякъ. Этого не слыхалъ. Шумъ, гамъ, вѣдь не разслушать, а кричали: „казнитъ царь безъ суда, безъ думы, въ воду не разобравъ сажаетъ". Тутъ владыко имъ: „называй поименно кто казненъ? Кого въ воду сажали? Имены называй. А пустословить печа!" Они и смолкли. Святѣйшій поучене. Гласъ мощный, что труба, аль громъ небесный. Народъ расплакался. Онъ всѣхъ благословилъ и пошелъ пѣшь въ Фроловскія ворота. Народъ за нимъ, руки цѣлуютъ, плачутъ. Диво дивное. Ни стрѣльцовъ, никого, такъ въ двѣ стѣны народъ-отъ около него и валитъ; довели до самаго двора его владычня.

1-й стряпчій. Стрѣлецкій голова передъ тобой пригналъ къ царю съ вѣстями, сказывалъ, измѣнники пошли къ Серпуховскимъ.

Дьякъ. Озлились. Добромъ не кончится. Гляди оттуда въ Кремль не привалили-бы. Господи, твоя воля, до чего дожили... Братъ на брата, сынъ на отца. Послѣднія знать времена пришли. Идти. Что у насъ дѣется на патріаршемъ? Спаси Богъ, снова не нагрянули-бы, вороги. Простите-ка. (*Уходитъ*).

Гордуша. Государь.

Царь Василій Ивановичъ. Что, съѣхались бояре?

1-й стряпчій. Съѣхались, государь.

Царь Василій Ивановичъ. Зови (*садится*). Надсаженъ конь, надломленъ лукъ, да примиренный другъ не надежны, встарь молвилось, а и не мимо. Да лихъ, полазчивъ песъ, а и лиса хитра. Бѣда не бархатомъ по сердцу гладитъ, а умъ родитъ.

Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій. Князь Звенигородскій. Князь Романъ Гагаринъ. Воротынскій и другіе бояре. Дьякъ съ столбцами. (*Входятъ, кланяются государю, другъ другу и садятся по мѣстамъ. Молчаніе*).

Царь Василій Ивановичъ. Что это дѣется у насъ, бояра? Не на украйнахъ, днесь на стогнахъ царствующаго града

кровь братня съ прахомъ смѣшана, святыня попрана, разбой, предательство, святыя церкви, монастыри горятъ да пустошаются, олтари ободраны. Обитель Троицы Живоначальной громитъ не врагъ одинъ, свои, рабы антихристу. Москва въ осадѣ. Понѣ на патріарха руку подняли безбожники. Куда поспѣемъ мы злу поровя, не ополчаяся противъ бѣсовскихъ дѣйствъ и полчищъ темной силы? Ась? (*Молчаніе*).

Князь И. С. Кур. И рады-бы, великій осударь, да смута разрослась. Крапиву, вонъ, ни кто не сѣетъ, сама ростетъ.

Князь Ѳ. И. Мстиславскій. Въ лѣсу воровъ те сторожимъ, а дома еженочь покража.

Князь Звенигородскій (*Гагарину*). Въ нашъ огородъ каменья-то летятъ.

Князь Романъ Гагаринъ (*тихо князю Звенигородскому*). Лихое лихомъ избываютъ. А правду молвитъ, царь, куда мы лѣземъ впрямь?

Князь Звенигородскій. Ну, вотъ. Аль на понятный?

Царь Василій Ивановичъ. А молвь идетъ, каковъ строитель, такова и обитель.

Воротынскій. Осударь! Мало ли что бается на вѣй-то вѣтеръ. Мы вѣдаемъ гдѣ молвь идетъ.

Царь Василій Ивановичъ. Да гдѣбъ ни шла. А молвятъ кривопуты: бѣда де оттого взялась и сталася, всѣмъ царь Василій не любъ. А не любъ я, не подобало крестъ ко мнѣ вамъ цѣловать? А не любъ я, меня карай, а землю не зори, не пустоши церквей, обителей святыхъ съ врагами во едино.

Князь. Ѳ. И. Мстиславскій. Тебя коснуться, осударь, и землю ни во что вмѣнить, низринуть и ее въ напасть, въ пустошество.

Царь Василій Ивановичъ. Вѣнецъ и бармы я пріялъ не величанья для. А ради подвига, послуги, помочи землѣ въ бѣдѣ и въ горести вѣнецъ пріялъ; молодо пиво бродитъ, бочку рветъ,—не старое. Души моей темнѣетъ злато, и сребро, вотъ дума днесь моя тяжелая о чемъ, не о пустошной славѣ. Верги, бармы да вѣнецъ. Надѣнь кто, попытайсь; легки ль они, увѣдаетъ.

Голоса. Вѣдаемъ мы, осударь, всѣ ясно зримъ.

Царь Василій Ивановичъ. Четверто лѣто Богу помогающу, служу землѣ и дня, вамъ вѣдомо, не видѣлъ безмятежна. Уста молчатъ, вещь вопіетъ; земля-то стономъ стонетъ отъ крамолъ; пожары, грабежи, насилья. Сѣдины старцевъ не щадятъ, младенцевъ напояютъ ядомъ... Чаша днесь переполнена. А за грѣхи мои одни караетъ буде землю Богъ, а не за ваши. Вотъ вамъ вѣнецъ. Возьмите. (*Стряпчій беретъ*). Я негоденъ, вамъ, инъ оберите мужа достойна, праведна, смысленнѣйша. (*Всѣ встаютъ*).

Голоса. Осударь, на всѣхъ и солнцу не угрѣть. Времена тяжки. Всѣ виновны мы. Се Божій неумытный судъ на насъ. А не губи земли. Не слагай бремени, неси, прося у Бога милости... Не безъ его вѣдь, свѣта, воли, ты званъ на царство-то.

Царь Василій Ивановичъ. Да что я учиню одинъ? Помыслите; вѣдь впрямь, не чудотворецъ. И соколъ выше солнца не паритъ. Царь безъ совѣтниковъ, безъ слугъ, орелъ безъ крылъ. Я вамъ въ посмѣшище... Такъ лѣпѣй отойди, да некогда рекутъ: „се человѣкъ замысли нѣчто здати, а не возможе совершити, безуменъ есть“.

Голоса. Мы слезно молимъ, осударь. Не отступайся отъ земли и насъ. (*Становятся на колѣни*).

Царь Василій Ивановичъ. Богу бы кланялись, бояре.

Князь Ѳ. И. Мстиславскій. Безъ Бога свѣту не стоять, а безъ царя землѣ не правиться. Идти въ попы служить и панихиды. Мы вѣдаемъ, что тяжко, потерпи; не все ненастью быть, взойдетъ и солнышко... Безумцевъ слушать нечa, ихъ словеса растлѣнныя. А землю безъ главы оставити ни ты, ни мы не властны, осударь. (*Беретъ вѣнецъ и надѣваетъ на Шуйскаго*).

Князь Звенигородскій (*про себя*). Надоѣлъ стихарь, а отдать такъ жаль.

Царь Василій Ивановичъ. Душа болитъ, глядя на землю раздоры мучиму. Помыслите какъ не скорбѣть, бѣды толики видя... Что до себя, то уповаю: уготовляяй мрежи ближнему, на свои ноги готовитъ ихъ; ходяй во стропотны пути, увязнетъ.

Князь Звенигородскій. Осударь... не погнѣвись... То въ притчахъ Соломоньихъ писано. А въ тѣхъ же притчахъ есть, подалѣ вычти: царю, послушающу словесе неправедна, всѣ зау-

рядъ, иже подъ нимъ, преступники. У стариковъ на памяти, при государѣ и царѣ Иванѣ въ русской землѣ бысть тишина и благоденствіе. А сталось по грѣхамъ нашимъ, царь учинилъ опричину и бысть мятежъ по всей землѣ и раздѣленье, и возста братъ на брата, сынъ на отца и бысть врагъ человѣку семьянинъ, не чужъ чужанинъ, вотъ вѣдь что.

Царь Василій Ивановичъ. Чужую гряду полешь, князь, а своя въ залежи. Внимаю, молвилъ ты, я словесамъ неправеднымъ, а нонѣ на торгу да у Успенья, въ утрени, что дѣлалось? А грамотку намеднись переняли. (*Дьяку*). Здѣсь что ли она? Вычти-ка имъ.

Дьякъ. Здѣсь, осударь (*читаетъ*). „Великому государю, вельможному пану Яну, Петру Павловичу Сапегѣ бьетъ челомъ нищій царскій богомолецъ, и твой государевъ Живоначальныя Троицы и преподобнаго Сергѣя игумена постриженикъ архимандритъ Аврамій Бога молю и челомъ бью. Пріѣзжалъ ко мнѣ къ Москвѣ отъ тебя, государя, попъ Иванъ Зубовъ и говорилъ мнѣ царскимъ словомъ и отъ тебя государя, чтобъ мнѣ пріѣзжать съ Москвы на царское имя и къ тебѣ государю подъ Троицу и чтобъ земля умирити и кровь крестьянская утолити. И я нищій, царскій богомолецъ и твой, долженъ о томъ обо всемъ промышлять царскимъ дѣломъ и твоимъ, а на Москвѣ, государь, всѣмъ скудно и сидѣнья, государь, будетъ на Москвѣ немного... А присылай ко мнѣ къ Москвѣ тихонько попа Ивана Зубова для ради царскаго дѣла и для своего, чтобъ ко мнѣ ходилъ бережно и негласно отъ иныхъ людей. Государь, береги той моей грамотки, не кажи никому, чтобъ мнѣ было въ Москвѣ неогласно. Да вели, государь, беречи дорогъ на крѣпко Ольшанской дороги, да Дмитровки и Хомутовки и Стромынки; тѣми, государь, дорогами проходятъ къ Москвѣ отъ князя Михаила Скопина станицы ночью, и проводятъ, государь, ихъ вожи, а съ Москвы, государь, посылаютъ ко князю Михаилу Скопину дѣтей боярскихъ, чтобъ онъ шолъ скорѣй, а Москвичи сидѣть не хотятъ долго въ осадѣ, на Москвѣ обрядъ будетъ Шуйскому скоро. А я тебѣ, государю, много челомъ бью до лица земнаго“.

Царь Василій Ивановичъ. Это тожь притчи Соломони что-ль?

Голоса. Господи! Гляди, измѣна гдѣ. Не вѣрится. Чтожь это будетъ съ нами? Ась?

Царь Василій Ивановичъ. А голодомъ народъ морятъ въ Москвѣ христопродавцы? Цѣну на хлѣбъ впятеро подняли? А къ вору въ Тушино припасы возятъ? Маринку и пановъ съ дороги къ лжецарю-то кто отвезъ? А князья, бояра въ ногахъ валяются у проходимца, абы помѣстьишко добыть, пробраться въ стольники? Это тожь въ притчахъ Соломонихъ?

Князь Ѳ. П. Мстиславскій. Жестоко слово, осударь. Мы щирымъ сердцемъ служимъ, сколько Богъ разума даетъ. Добра хотимъ тебѣ, землѣ радѣемъ.

Царь Василій Ивановичъ. Жестоко да правдиво, князь. Кабы дано намъ было зрѣть духовъ безплотныхъ здѣсь, очами, въ образахъ, узрѣли бъ мы окрестъ хоромъ боярскихъ нашихъ не ангеловъ, а демоновъ ликующихъ. (*Набатъ вдали*).

Голоса. Набатъ никакъ? Опять? И впрямь, что дѣется!

Дневальный стольникъ и Гордуша (*въ испугѣ*). Осударь!

Царь Василій Ивановичъ. Что молвишь?

Стольникъ. Народъ нахлынулъ въ Кремль. Сторожевыхъ сломили. На крыльца ломятся.

Голоса (*за сценой*). Мы съ челобитьемъ, съ челобитьемъ мы, къ царю!

Царь Василій Ивановичъ. Впустите. (*Встаетъ.*)

Дневальный стольникъ уходитъ. Гордуша становится у дверей.

Бояре. Осударь! Не насъ, себя хоть пожалѣй. Народъ разсвирепѣлый—звѣрь.

Царь Василій Ивановичъ (*идетъ на встрѣчу толпѣ*). Не вѣрю; Русь крещенная.

Сумбуловъ, Грязный и толпа показываются въ дверяхъ.

Сумбуловъ. Ну, что же вы? Входите! Вота онъ. (*Хочетъ кинуться.*)

Царь Василій Ивановичъ. Ни съ мѣста! Медвѣдь въ лѣсу,

на шкуру не задорсь,—своей поплатишься. Не жарко-ль топите? Не треснула-бы печь? (*Двое стрѣльцовъ хватаютъ Сумбулова за руки.*)

Сумбуловъ. За правду мы. Богъ выручитъ.

Царь Василій Ивановичъ. Ино и выучитъ.

Грязный. Мы о землѣ радѣемъ. Голодъ. Землѣ не погибати стать.

Царь Василій Ивановичъ. Измѣнники... Радѣютъ о землѣ... Землѣ вы вороги! Земля стѣной стоитъ противъ враговъ съ Михайломъ Скопинымъ. Досугъ и смѣльство его видя, карать злорадцовъ васъ идетъ земля. А вы, вскормленики ея, родную мать свою, что аспиды, грызете. Земля казну сбираетъ, хлѣбъ, кроху послѣднюю несетъ земля. Скажите вашимъ вожакамъ: живаго имъ не проглотить меня, подавятся. Я слыхивалъ какъ боръ шумитъ. Чей полкъ въ сторожевыхъ? Рогатки запереть въ Кремлѣ, да накрѣпко. Не выпускать до обыска въ ворота ни собаки. А загамятъ,—палить по псамъ. Нарядъ придвинуть ко дворцу, да пальники зажгли бы. Вонъ! (*Народъ отступаетъ. Показываются стрѣльцы съ пищалями; нѣкоторыхъ вяжутъ.*) Бояре, сыскъ и не мотчая учинить. Безъ кумовства глядите. Да потолковѣе. А то у насъ, пропали копи, а мы—воловъ считать.

Князь И. С. Куракинъ. Какъ ворвались они, проклятые?

Князь Ѳ. И. Мстиславскій. Съ Стрѣлецкой знать. Къ Серпуховскимъ, слышь, повалили съ площади. И какъ поминовалъ Господь?

Царь Василій Ивановичъ. Нѣтъ немощнѣй того, кто служитъ тьмѣ, да кривдѣ. Со властью слово-то давалось искони, однимъ стояльщикамъ за свѣтъ, за истину, за правду. Такъ ли, князь Романъ? Что помертвѣлъ? Стыдъ, что ли, взялъ? Стыдъ, подъ каблукъ, а совѣсть—подъ подошву.

Князь Романъ Гагаринъ (*падая на колѣни*). Казни, великій осударь! Вотъ голова моя! Виновенъ безъ числа передъ тобой я, страдникъ. (*Плачетъ.*)

Царь Василій Ивановичъ. Повинну голову мечь не сѣчетъ, не рубитъ, знай... Эхъ, князь!... Жаль мнѣ тебя, жаль всѣхъ измѣнниковъ. Что они дѣлаютъ? Помыслили ль? Бояре, вспомните, молю... мы есмы храмъ живаго Бога всѣ, не стѣны каменны, а мы, живые люди храмъ-отъ. И аще кто растлитъ сей

Божій храмъ, Господь растлитъ того. И лучше-бъ, речено, ему не вѣдать свѣта, неже познавъ, служити тьмѣ Простите.

III.

Теремъ княгини Катерины Григорьевны Шуйской. Князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Катерина Григорьевна.

Князь Дмитрій Ивановичъ. Я брату Василью молвилъ не одинова: казнить—такъ вожаковъ... А это, нако—розыскъ... Двухъ-трехъ казнятъ, кои помельче, хвостъ змѣѣ отрубятъ, а жало, голова цѣла... Гляди, мнѣ яхонтъ, заѣзжалъ, привезъ гость Строгановъ. Возьми-ка въ руку, погляди... Огнемъ горитъ... Вотъ-такъ водица. Убей, не видывалъ.

Кн. Катерина. Князь Митрей, да ты меня хоть пожалѣй, коли сорома нѣтъ... Вѣдь мы—посмѣшище у всѣхъ. Вечоръ въ крестовой у обѣдни я со стыда сгорѣла за тебя, сквозь землю провалилась бы... Со всѣми царь послѣ креста бесѣдовалъ, съ тобой хоть бы-те слово.

Князь Дмитрій Ивановичъ. Тебѣ Богъ вѣдаетъ что чудится. Меня затрутъ?

Кн. Катерина. Да ужь затерли. Скопина царемъ Давидомъ, вонъ, зоветъ земля-то вся. А ты на зайцевъ ѣздишь съ хортами.

Князь Дмитрій Ивановичъ. Рано возликовали. Шведы не новѣ—завтра разбѣгутся. Поглядимъ тогда, что царь Давидъ-отъ твой чинить учнетъ, съ кѣмъ подъ Смоленскъ пойдемъ. А къ королю ратные прибываютъ то и дѣло. И на Калугу люди тожъ, есть слухи, копятся... А чѣмъ расплатятся со Шведомъ? Ну?... Придутъ поклонятся, дай срокъ, князю Дмитрію.

Кн. Катерина. Языкъ что жерновъ, князь,—мелетъ, что сыплется. Оставилъ возъ съ товаромъ на дорогѣ, святой Никола береги.

Князь Дмитрій Ивановичъ. Удатный воевода, твой Скопинъ. Въ поле боится войско вывести, бьется въ гуляй-городкахъ. А въ срубѣ всякъ хоробръ... Нѣтъ, вылети-ка въ поле. Воевода... Я къ государю. Ты будешь у царицы, что-ль?

Кн. Катерина. Не буду. Мнѣ не можется. (*Князь Дми-*

трій выходитъ.) Царица! А? Буйносовыхъ Ростовскихъ Марья!.. Да... Лишь темны ноченьки, да изголовье вѣдаютъ однѣ, что на сердцѣ ключомъ кипитъ, да жгучей искрой тлѣетъ. И думы, вотъ поди, то тѣшатъ ровно бы тебя, сулятъ желанное... Вотъ словно шепчетъ кто: не убивайся; вѣрь, чѣмъ грезишь, сбудется. То налетятъ, ударятъ неотвязныя негаданно, нежданно, крещенской вьюгою и заметутъ, проклятые, размечутъ сразу все, чѣмъ сердце тѣшилось, живилось, пламенѣло. Царица... А? Да что въ ней царскаго? Коровница. Ни свычья, ни обычья, ни поступи... Вѣнецъ... Да краснымъ солнцемъ лѣтнимъ, звѣздой я подъ вѣнцомъ-то царскимъ засіяла бы. Помыслишь, вся вскипишь! Царица... О, хоть на годокъ бы, на годокъ одинъ. И какъ, да мимо насъ, Скопинъ, княгиня Александра впрямь,—умъ помрачается! А дива нѣтъ. Царь старъ... Молчитъ могилою. И мы молчимъ. Тишь, глушь, а по заглушинамъ травѣ непрошенной расти приволье. Полоть ее?—Да лихъ, одна... Нѣтъ помогающа... Одна? А въ ту же ночь осеннюю, непроглядну, не пробирался, что-ль, убійца-воръ тайкомъ съ однимъ товарищемъ, булатомъ. Ась? Убійца? Сгинь, сгинь, пропади крылата дума-чудище, алмазны искры не гори. Цѣна несмѣтна. Кровь... Кровь неповинная... Прочь, дума, прочь... Душа дороже... Съ ней не разминешься.

Боярыня (*входя*). Миръ дому благодатному.

Кн. Катерина. Спасибо. Ну, что вѣстей? Была?

Боярыня. Была, княгиня благовѣрная, вездѣ была. И у царицы, грѣшница, межъ верховыхъ приспѣшницъ потолкалась. Вѣдь гдѣ развѣдашь всю подноготную?—Межъ челяди,—не отъ большихъ людей, отъ малыхъ. Придешь поклонишься, присядешь. Что пришла?—Да такъ, матка. Откуда?—Оттуда-то. Куда?—Туда-то..... Да слово за слово и разболталися. А намъ и кладъ, убогимъ, слугамъ вашимъ.

Кн. Катерина. Что-же? Была царица, что-ль, у Скопиныхъ вечорсь?

Боярыня. Была.

Кн. Катерина. А мнѣ ни слова. Одна, что-ль?

Боярыня. Нѣту, съ матерью. Сидѣли до вечерень, слышь, а въ полдни изъ дворца отъѣхали. Гость Строгановъ, что съ Вычегды пріѣхалъ съ хлѣбомъ да съ казною, былъ тамотко, у

Скопина. Ему и отдали двѣ кики продавать алмазны, да ожерелье съ жемчугомъ. Ну, кое въ великъ день, помнишь, было на царицѣ, въ большу вечерню, въ запонѣ ни лалъ, ни яхонтъ, съ добру горошину. А Скопина, чу, мѣхъ лисица чернобура, новехонькой, да соболей, не само знатныхъ, ни семь, ни восемь сороковъ ему же гостю отдала: „продай; да хлѣба закупивъ, роздай кому нужда, гдѣ голодно“.

Кн. Катерина. Вишь милосердіе како напало!... А доднесь про скаредство Алены Скопиной слыхали. Жалѣла на свѣчу задушную подать. А нонѣ нако-се.

Боярыня. Пошло въ завязку дѣло знать. А слухи есть, мерекаютъ и до конца вести.

Кн. Катерина. Роса глаза повыѣстъ имъ, покуда доведутъ то дѣло до конца-то. Не про нихъ кусъ! А гдѣ же эти слухи? Гдѣ ты слышала?

Боярыня. Да всюду молвь идетъ... Чужой-то ротъ—не хлѣвъ вѣдь, не притворишь. А молвять: князя Скопина Михайлу царь зоветъ приснымъ пріятелемъ, а никому иному де, ему и царство прочитъ.

Кн. Катерина. Не само близко, да и склизко, молъ, до царства-то. Проселкомъ—къ ночи быть, а какъ Скопинъ-отъ ѣздитъ прямикомъ, такъ дай Богъ къ свѣту.

Боярыня. Легко ли дѣло—царство... Дѣло великое... Впрямь, не горшокъ со щами, на ухватѣ не передашь.

Кн. Катерина. А у Голицына Василья на дворѣ, что дѣется? Была ли?

Боярыня. Какъ мнѣ не быть! Для княжей милости твоей на Лысу гору—на метлѣ, пошли—слетаю. Самой попалася. Иду по переходамъ, гляжу—приспѣшницы бѣгутъ: „Куда, молъ, вы?“—Княгиня, баютъ, въ мыльню, жалуетъ, идетъ.

Кн. Катерина. Тожъ не въ царицы-ль снаряжается.

Боярыня. И впрямь... Я встала, въ уголокъ прижалася... Ведутъ ее, я поклонилася. „Ты чьихъ? Къ кому?“—Къ знакомкамъ молъ, раба твоя, княгиня матушка. Вдовица дьячья, молъ, убога. Молчитъ, прошла; я къ швеямъ шасть въ подклѣть. „Къ вамъ гостья, рукодѣльницы; Богъ въ домѣ“. Прокопка Ляпуновъ былъ у Голицына подъ чистый понедѣльникъ, сидѣли до заутрень.

Звенигородскій былъ, гоняли по Куракина, да не поѣхалъ, сказалъ: „недужаю.“ Стрѣлецки головы, да панъ нѣкакой былъ. И гамъ такой, слышь, подняли,—святыхъ вонъ вынеси. Прокопій, уходя, слышь, дверью хлопнулъ, ажъ хоромы задрожали. А въ сани сѣлъ, ругался, да, батъ, съ ними, со псами, вѣкъ толкуй, не столкуешся.

Кн. Катерина. Ты молвила: ляхъ былъ?

Боярыня. Ляхъ, ляхъ! Большущій, толстый. И называли, прахъ его возьми! Да память-то... Ни злыдень, ни слизень, нѣкакъ ..

Кн. Катерина. Слизень. Пріѣхалъ съ письмами къ царю отъ Жигимонта.

Боярыня. Вотъ, вотъ. Такъ называла ключница. Еще смѣялись: „Слизень“.

Кн. Катерина. Вотъ попѣ съ кѣмъ хлѣбъ-соль-то князь Василій водитъ. Не будь примѣтливъ, будь привѣтливъ,—пословица. А къ Скопинымъ?

Боярыня. Зашла. А врать стара, хрящи срослись, шестой десятокъ я живу, а Богъ хранилъ, княгиня, не вирала. Была, родима, я у Скопиныхъ... А правду грѣхъ таить. Что-жь,—дѣло быль,—прогнали...

Кн. Катерина. За что?

Боярыня. Спроси у нихъ. Да кто? Кабы сама, а то подумай кто—тряпица. Казначея у молодайки, рыжая, Татьяной звать, чай видѣла. На сѣняхъ встрѣтила, да первый блинъ: „уйди, ты переносчица; такая ты, сякая. Чтобъ духу твово не было. Уйди!“ Я поклонилася:—на добромъ словѣ, молъ. До вѣку не забуду я, прости... А у самой такъ и вскипѣло ретивое... Такъ бы въ нее эхидну и вцѣпилася. Да мнѣ царица—вотъ убей не вру—стою разъ съ нянями у дѣтской. Глядимъ, царица, съ дочкой на рукахъ, къ царю ходила вишь... Я поклонилась. Что стоишь? Садись. А это, пакось,—отымалка, черти бъ ей снилися,—уйди!“

Кн. Катерина. Что ни есть баяно; молвила, не свое, а отъ княгинь приказъ, гляди.

Боярыня. На дыбу вздерни, не повѣрю, чтобы княгиня, про меня... А это, ономнясь, про челядь, грѣшница, княгинѣ

старой я молвила: „себѣ, молъ, норовятъ, таскаютъ подъ полой... Вѣдь не самой тебѣ ходить въ амбары-те... Она, ехидна, видно слышала и взъѣлась.

Кн. Катерина. Не много-жь ты развѣдала... Да и на томъ спасибо... Вотъ тебѣ. (*Даетъ деньги.*)

Боярыня. За милости... А не прогнѣвайся, услышу что, скажу... А чтобы врать—стара... Была моложе—не вирала... Прости, княгиня Катерина Григорьевна. Миръ твоему дому благодатному. (*Уходитъ.*)

Кн. Катерина. Чужи чужане—очутилися семьяне... Седьма вода на киселѣ намъ Скопины те, а ближе братьевъ днесь царю... Княгини милосердыя,—вишь, алчуща питаютъ, жаждуща поятъ... А глянь, въ народѣ молвь: добры да милостивы, ласковы... Царицу ужь зовутъ, толстуху, ангеломъ. Этта ей царь хлѣбъ повелѣла развезти по улицамъ: „мню зрѣти небожителя". Изъ ума выжилъ старый! Примѣнилъ пако се къ чему,—къ святынѣ—бабу, тварь.

Сѣнная дѣвушка. Дьякъ Нежилой пріѣхалъ, матушка княгиня, доложить тебѣ велѣлъ.

Кн. Катерина. Впусти. (*Дѣвушка уходитъ съ поклономъ.*) Что воронъ зыришь всюду. Развѣдывать, что здѣсь, что тамъ? А толкъ какой? Одна тревога лишь. По заочью,—что ночью. Ты ставишь тенёто, а звѣрь прорветъ и проскочилъ... Лови безъ псовъ на чистомъ полѣ.

Дьякъ. Все поздорову ли, княгиня милостивица?

Кн. Катерина. Ты изъ-подъ Троицы?

Дьякъ. Нешто... Къ заутренямъ звонили я пріѣхалъ.

Кн. Катерина. Ну, что тамъ дѣется?

Дьякъ. Содѣялося многое. Младъ соколъ птицу бьетъ, летятъ ажь пухъ да перья. Сапѣга отошелъ, и съ таборомъ,—помиловалъ Господь.

Кн. Катерина. Какъ, и осаду снялъ?

Дьякъ. Нарядъ покинули, обозъ. А князь Михайло,—въ Александровѣ. Народу отовсюду къ нему тьма тьмущая идетъ. Валомъ валятъ. Новгородцы еще казны везутъ, да Псковичей пришло, слышь, тысячъ до семи. Донцовъ съ Калуги ждали... Не нонѣ, завтра имъ придти тожъ къ Александрову.

Кн. Катерина. Ого... А изъ Рязанцевъ кто при немъ?

Дьякъ. Съ Рязани Ляпуновъ Прокофій выборныхъ прислалъ ко князю съ словомъ: „На царство обрали тебя мы всенароднымъ множествомъ“.

Кн. Катерина. На царство... Скопина?... Такъ вотъ чѣмъ пахнетъ, а... Ну, что-жь, Михайло?

Дьякъ. Вскипятился... Всѣхъ заковать велѣлъ... Безъ мала сутки въ заперти держалъ... Опослѣ умолили,—помиловалъ и отпустилъ.

Кн. Катерина. Простъ, простъ, а сметка есть-таки... Добръ, милосердый, вишь... Казнить, въ цѣпяхъ послать къ царю измѣнниковъ ему, Михайлу, подобало, а не прощать. Вотъ они—присные пріятели... Племянички, свои, родные... Да что, коль города безъ царска слова нѣмцамъ отдаетъ! Кексгольмъ-то сдалъ безъ слова Сведамъ.

Дьякъ. Кексгольмъ какъ было не отдать? Ушли бы Сведы, не отдай... Казны не стало, а ждать, писать царю, ссылаться - неколи.

Кн. Катерина. Вѣдь не лѣса горятъ. Сошлись. Далъ волю царь ему. Нѣтъ, опускать поводья тоже коню ретивому бѣда,—закуситъ удила, не справишься. Спасибо. Что поразвѣдаешь, немедля заѣзжай.

Дьякъ. Твой рабъ, княгиня, я. Прости покудова. (*Уходитъ.*)

Кн. Катерина. Высоко соколъ взмылъ, а чается, еще взовьется, ясный, выше... А намъ? Мнѣ? Подъ гору бревномъ, сосной подрубленной подъ хохотъ вороговъ. Ну, нѣтъ, не та я ягода. Ужь буде, съ крутизны въ бездонну пропасть привелось, такъ не одной летѣть, а вмѣстѣ. Вамъ Любово, мнѣ горе лютое, вы чаете? Не уповайте. О, давнехонько вѣдь сердце рвется изъ груди, что лютый звѣрь изъ тѣсной клѣтки. Дверь отворю,—кровавыми слезами всплачетесь.

Сѣнная дѣвушка. Княгиня... Стряпчій отъ царицы пріѣхалъ по тебя... Молебенъ, слышь, у Рождества на сѣняхъ.

Кн. Катерина. Заздравный, что-ль? Скажи, что буду. (*Сѣнная дѣвушка уходитъ.*) Охъ, панихидѣ бы не быть. (*Уходитъ.*)

IV.

2 марта 1610 года.

Грановитая Палата, стѣны расписаны притчами; царское мѣсто и палаты наряжены; половочники, ковры перваго наряда. Два алебардщика, стряпчіе, рынды, входятъ; рынды останавливаются у царскаго мѣста, алебардщики и стряпчіе у дверей. Бояре въ цвѣтномъ платьѣ входятъ по три, по четыре и становятся кое-гдѣ кучками, здороваются, разговариваютъ. Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ. И. И. Воротынскій (*въ богатыхъ становыхъ кафтанахъ, горлатныя шапки въ рукахъ*).

И. И. Воротынскій. Ты тоже нонче изъ-подъ Троицы?

Князь И. С. Куракинъ. Нонче, на свѣту, вмѣстѣ съ княземъ Михайломъ; заѣхалъ на свой дворъ, переодѣлся и сюда. Мы не вѣдали ничего. Проѣхали Алексѣевское, солнце всходить стало, глядимъ—гонецъ летитъ изъ Москвы, соскочилъ съ лошади, къ князю Михайлу подошелъ... Князь Михайло съ Головинымъ Семеномъ передомъ ѣхали въ саняхъ, а мы съ Лыковымъ сзади. За нами Шереметевъ, Голохвастовъ. Саней до двадцати, аль болѣ, съ товарищами воеводскими, со шведами, съ казацки головы; Новогородцы въ трехъ саняхъ. Глядь, князь Михайло вылѣзъ изъ саней. Что тако, думаемъ? Глядимъ—всѣ слѣзаютъ, и мы вылѣзли. Собрались около князя Михаила. Онъ намъ: „вотъ, баетъ, воеводы, отъ государя вѣстникъ, съ милостивымъ словомъ намъ... Царь повелѣлъ прямо во дворецъ ѣхати... А у Креста ждутъ верховые кони, съ царской конюшни высланы". Мы тутъ ему: „какъ же, молъ, надо бы поустроиться... Зерцала хошь надѣть".

И. И. Воротынскій. Гдѣ тутъ, на холоду?

Князь И. С. Куракинъ. Да окрутились бы кой-какъ и на морозѣ, да нѣту доспѣха-те не у кого. Кто въ чемъ, знамо въ дорогѣ. Шереметевъ смѣется, батъ: подумаютъ на Москвѣ, насъ обобрали Ляхи, а либо пропились на радости. Князь Михаилъ: „гдѣ тутъ рядиться? Не святъ день... Не на нарядъ гляди, а на обычай". Толмачъ ко Шведамъ подбѣжалъ, тѣ изъ саней не вылѣзали. Глядимъ, что-то затормошились наши нѣмцы, закудахтали. Что, молъ, такое?—мы толмачу. Такъ выѣзжать не хотятъ. Просятъ назадъ въ село вернуться—переодѣться въ избѣ. Насилу уло-

мали. Князь Михаилъ велѣлъ имъ молвить: „осударь де ждетъ“. А все палаши достали, шляпы съ перьями. Наши, у кого были, тожъ сабли подпоясали, поѣхали. Подъѣзжаемъ къ Москвѣ. Глядимъ, видимо-невидимо народу, шапками машутъ намъ: „спасибо! Исполать. Здравъ буди князь Михайло Васильичъ!“ У съѣзжей избы аргамаки стоятъ, бояре, стольники... Всѣ сѣли на коней, поѣхали Москвою. Народищу по улицамъ-те—и на кровляхъ, и на теремкахъ.

И. И. Воротынскій. А ты для ча не съ ними?

Князь И. С. Куракинъ. Въ медвѣжьей шубѣ ѣхалъ, а однорядка лѣтникъ, да длинополая. Я велѣлъ вощику повернуть задами, да и удралъ домой. А сюда ѣхалъ, уповалъ имъ здѣся быть.

И. И. Воротынскій. Скоро ли... Толпой-то не погонишь. Шагомъ ѣдутъ, гляди. Близко ли мѣсто отъ Креста?

Князь Звенигородскій (*входитъ*). Что это, праздникъ что-ль двунадесятый? Народомъ захлебнулись улицы. Проѣзду нѣтъ. Попы съ крестами у церквей, лавки всѣ заперты. Не рано ли возликовали? Недѣля середой крѣпка, жизнь половиною, а дѣло серединой.

И. И. Воротынскій. Доброе начало не безъ конца.

И. Звенигородскій. Всяко бываетъ. А вешней озими въ сусѣкъ не сыплютъ, бояра. Смоленескъ какъ бы не пропировать. Не до гульбы. Шеинъ-то едва держится, а къ королю знай силы прибываетъ. Вотъ что! А на Калугѣ тоже искра тлѣется. Раздуетъ вѣтромъ-те, а жди опять пожаръ.

Князь И. С. Куракинъ. Чередъ дойдетъ и до Смоленеска, и до Калуги. Топоръ свово дорубится.

Князь Звенигородскій. Дай Богъ... А что-то, долгое ждали, а проку не видали.

Князь И. С. Куракинъ. Побьютъ,—на возъ навьютъ. Надѣючись, и конь черезъ овраги машетъ.

Князь Звенигородскій. Бывальщина, и спотыкается. (*Отходитъ.*)

Князь И. С. Куракинъ. Злоба какая. Ась? Чѣмъ во едино сердце бы, коли Богъ смиловался, помогаетъ, а они—знай злорадствуютъ.

И. И. Воротынскій. Не говори. Не въ насъ знать спа-

сенье... Въ худѣ не безъ добра; въ огнѣ золото чистится. Кажись, бичуетъ Богъ, а мы не исправляемся. Иные кроткіе придутъ, помяни мое слово, нищи и убоги. Съ вышнихъ призираяй имъ вручитъ вертоградъ свой воздѣлывать.

Князь И. С. Куракинъ. Того гляди... Господень гнѣвъ великъ.

И. И. Воротынскій. А наши-то уста глаголютъ что?—Гордыню. Что речено: „бѣжимъ фарисейскаго высокоумія, мытаря научимся высотѣ глаголъ смиренныхъ". А гдѣ они у насъ, глаголы-те смиренные? Вѣдь вотъ и это... Въѣздъ затѣялъ царь. Зачѣмъ? А посмирнѣе бы—вѣрнѣе. Вотъ что гнѣздится въ немъ, въ Звенигородскомъ-то, ты слышалъ?—Зависть.

Князь И. С. Куракинъ. Звенигородскій водится съ Голицынымъ.

И. И. Воротынскій. Водись! А мы смиреніемъ ихъ бей, не возношеньемъ. И такъ вражды-то числа мѣры нѣтъ. Царска семья, гляди, вся врознь. Князь Иванъ, братъ царю родной, не видятся.

Царь Василій Ивановичъ, князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій (*идетъ нѣсколько отступя, рядомъ съ нимъ. Бояре кланяются*).

Царь Василій Ивановичъ. Уйди съ очей долой... Не то... Тѣ рѣчи не твои, а бабьи... женнины... (*Князь Дмитрій кланяется и уходитъ. Царь садится на царское мѣсто.*) Слово... Вода глубока слово въ сердцѣ мужа—изнесено, рѣка, источникъ жизни; смерть и животъ. Не убивалъ я, Господи; не убивалъ, а прошепталъ словцо, что послѣ вѣкъ внимавшему, что ядъ снѣдало, разрушая сердце? Не убивалъ! А на любовь отвѣтилъ затаенной злобой, ась? Не убивалъ, а бросилъ искру въ душу братнюю, что въ боръ дремучъ въ засуху ты; и разгорѣлася та искра въ пламень, и охватила вѣковой, весь изъ конца въ конецъ; не ядъ, не острый ножъ, средь братьи вверженный, твое то, искра, слово? (*Молчаніе.*) Ѣдутъ, что-ль?

И. И. Воротынскій. Гонецъ пригналъ. На Красной площади, слышь, у рядовъ остановили. Хлѣбъ-соль гостины сотни ему подносятъ. Святѣйшій выѣхалъ. На Лобномъ мѣстѣ будетъ, молебствіе соборнѣ.

Одинъ изъ бояръ. Отмолебствовали... На крестцѣ ужъ... Я оттолѣва... Надо имъ скоро быть... Да вотъ гонецъ.

Стрѣлецкій голова (*подходитъ къ царю, кланяется*). Воевода и князь Михаилъ Васильевичъ прислалъ меня оповѣстить тебя, осударь... Не покручинься, что умедлили... Хлѣбъ-соль отъ городовъ, дары несутъ, и позамѣшкался. И я насилу пробрался; площадью велъ коня въ поводу,—не продерешься.

Царь Василій Ивановичъ. Дѣло... Молви, поѣзжай, сюда бы шли съ дарами, али съ хлѣбомъ-солью... Здѣся бы встрѣтили... И князю молви отъ меня, не медлилъ бы,—мы ждемъ.

Стрѣлецкій голова. Слушаю, осударь. (*Уходитъ.*)

Вверху, въ отворенномъ тайникѣ, показываются царица, княгиня Катерина Григорьевна, княгиня Александра Васильевна и княгиня Елена Скопины-Шуйскія.

Князь Ѳ. И. Мстиславскій (*входитъ*). Я думалъ опоздалъ. Народу тьма, едва проѣхалъ. Съ побѣдой, осударь! Господь порадовалъ.

Царь Василій Ивановичъ. Спасибо! И темна ночь до солнышка.

(*Нѣкоторыя изъ бояръ глядятъ въ окна.*)

Голоса. Ѣдутъ. (*Вдали слышенъ маршъ и литавры, клики: исполать, спасибо, здравъ буди, князь Михайло!*) Это что? Трубы? Въ накры бьютъ, стучатъ.

Князь И. Ѳ. Мстиславскій. Шведы знать...

Князь И. С. Куракинъ. Они. Экъ же у Троицы ѣдемъ мы это съ бою на коняхъ. Я рядомъ ѣду съ трубачами. Только въ посадъ поворотили, какъ грянутъ, окаянные... Одинъ мнѣ прямо въ ухо съ трубой. Спасибо конь шарахнулся, а то бѣда бы, оглушилъ.

Князь И. Ѳ. Мстиславскій. Да долго ли? Особо не взначай. У нихъ, у нѣмцевъ, за обычай дудѣть. (*Маршъ и крики приближаются*) да въ накры колотить. Меня въ Стекольнѣ экъ же оглушили; у короля мы во дворцѣ обѣдали... Кусокъ-отъ въ горлѣ вязнетъ... Ира... А опосля запѣли пѣвицы да пѣвцы ихніе; ни дать, ни взять вотъ нищіе у насъ.

Голоса. Подъѣхали, слѣзаютъ съ коней.

Князь И. Ѳ. Мстиславскій. Не повелишь ли намъ, осударь, встрѣтити?

Царь Василій Ивановичъ. Здѣсь встрѣтимъ... Тамъ стольники паряжены, на крыльцахъ.

Дневальный стольникъ (*съ поклономъ*). Великій воевода, бояринъ князь Михайло Васильичъ Скопинъ съ товарищи, да Свицкій ратный воевода князь Яковъ тебѣ челомъ бьютъ, осударь, предстати имъ предъ твои очи.

Царь Василій Ивановичъ. Молви, радъ видѣть я вельми присна пріятеля свово, воеводу и Князя Михаила Васильича съ товарищи, Свейска воеводу князя Якова и всѣхъ стояльщиковъ за землю, доблихъ слугъ.

(*Дневальный стольникъ кланяется и уходитъ.*)

(*Молчаніе.*)

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій (*съ воеводскою, серебряною, булавой въ рукѣ*). **Князь Яковъ Делагарди** (*въ рукѣ серебряный командиръ-штабъ*). **Шереметевъ, Головинъ, воеводскіе товарищи, стрѣлецкіе головы, донскіе атаманы, толмачъ.** (*всѣ безъ оружія*).

Князь Михаилъ Васильевичъ (*низко поклонившись государю и боярамъ*). Тебѣ великому государю царю Василію Ивановичу всея Руси, великаго и высокорожденнаго князя и государя Карла девятаго Свицкаго, Финскаго въ Лифляндахъ, и иныхъ земель короля большой ратный воевода и князь Яковъ Пунтусовичъ Делагарди, съ товарищи челомъ бьетъ. А служилъ онъ тебѣ, осударю, по договору и крестному цѣлованію, на многихъ бояхъ вѣрно, стоялъ крѣпко, неподвижно, безъ хитрости, а и напредки хотятъ также неколебимо стоять, по договору, сколько милосердный Богъ помочи имъ дастъ.

Царь Василій Ивановичъ. Молви, вельми-де радуется государь видѣти его княжую милость воеводу и слугу, нашего любительнаго брата, короля Карлуса Свейскаго. (*Молчаніе. Делагарди слушаетъ толмача и тихо отвѣчаетъ.*)

Толмачъ (*переводитъ отвѣтъ*). Воевода князь Яковъ Пунтосовичъ Делагарди тебѣ, великому осударю за твое милостиво слово, низко челомъ бьетъ. Орудью твоему государеву, батъ, видимо самъ Богъ помогаетъ. А ты бы, осударь, и впредь на

него, князя Якова, былъ надеженъ. А онъ, князь Яковъ, поручаетъ себя и Сведовъ, кои съ нимъ пришли, твоей великой царской милости. А молвитъ еще: при Божьей милосердой помощи, съ такимъ досужимъ и хоробрымъ воеводою, каковъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій есть, онъ, князь Яковъ, уповаетъ, будетъ-де одолѣніе всѣхъ вороговъ твоихъ и вскорѣ. А побѣдѣ твоей государевой и Карлъ Свейскій король вельми радоватися учнетъ, любовь твою и дружбу къ нему видя.

Думный дьякъ (*подходитъ къ царю, выслушиваетъ его рѣчь и обращается къ Шведамъ*). Великій осударь, князь Яковъ, службу твою похваляетъ и тебя, князя Якова, съ подвоеводами жалуетъ къ рукѣ и проситъ новѣ хлѣба ѣсть.

(*Князь Яковъ Делагарди и Шведы кланяются, подходятъ къ рукѣ и садятся неподалеку отъ царскаго мѣста на скамьѣ.*)

Князь Звенигородскій (*боярамъ стоящимъ подлѣ*). Ни дать, ни взять, царь Барнаулъ Еруслана Лазарича встрѣчаетъ.

1-й Бояринъ. Нѣтъ, не похоже... Сказка—ложь, а это быль, въ очію зрима. Гдѣ же братья-то, князья Митрей да Иванъ?

Князь Звенигородскій. Въ опалѣ. Перегрызлась вся семья... Да, помирятся... Свои бранятся—тѣшатся.

Гость старикъ. А топерво отъ царствующа града, Москвы первопрестольной, и ото всей земли поволь, великій осударь, хлѣбомъ-солью добродѣя, великаго подвижника, воеводу и князя Михаила Васильича почествовать.

Царь Василій Ивановичъ. Почествуйте. Спасибо за любовь и граду стольному, и всей землѣ. Любовью свѣтъ стоитъ. Прими хлѣбъ-соль Михайло. (*Гость подаетъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль. Обоюдные низкіе поклоны.*)

Умойся Грязью, двое Новгородцевъ и Псковичъ, подносятъ серебрянную ендову верхомъ наполненную червонцами; третій Новгородецъ съ серебрянымъ блюдомъ тоже съ червонцами для князя Михаила Васильевича.

Умойся Грязью. Отъ Новагорода Великаго и отъ Опскова, осударь, тебѣ гостинчикъ. (*Дьякъ и стольникъ принимаютъ ендову.*) А се воеводѣ и князю Михаилу Васильевичу отъ Новагорода поволь. (*Передаетъ блюдо. Князь отдаетъ Головину и кланяется.*)

Крѣпко мы его полюбили, осударь! Молви онъ намъ, кажись Новогородцамъ: братцы, за море океанъ, аль на край свѣта,— старъ и малъ пойдемъ... У насъ въ Новѣгородѣ только и рѣчей, что о немъ, свѣтѣ нашемъ, князѣ Михаилѣ.

Царь Василій Ивановичъ. Спасибо Новугороду и Пскову. Много ли вашихъ здѣсь?

Умойся Грязью. А не считались, осударь. Да, кликни кличъ въ двугорядь князь Михайло Васильевичъ, весь Новгородъ здѣсь будетъ, уповаю. Онъ къ намъ всѣмъ сердцемъ, а и мы къ нему. Дѣлай не ложью, выйдетъ по Божью, въ старину молвилось.

Два донскіе атамана (*одинъ держитъ серебряное блюдо, на блюдѣ саадакъ; другой—золотую саблю на атласномъ, шитомъ золотомъ, покровцѣ.*)

1-й атаманъ. Донцы, вѣчные твои слуги, осударевы, тожъ челомъ бьютъ тебѣ и воеводѣ твоему, великому стратигу, князю Михаилу Васильичу, за велію побѣду Господу благодаренье принося.

Дьякъ принимаетъ саадакъ; саблю подноситъ князю Михаилу Васильевичу.

2-й атаманъ (*царю*). Прими и нашъ гостинецъ, не побрезгуй. На маломъ не взыщи, большаго не ищи.

Царь Василій Ивановичъ. Молвите на Дону, служба-де ваша государю вѣдома, а и гостинецъ дорогъ. Служили бы не сомнѣваяся, забвена служба ваша-де не будетъ. (*Донцы отходятъ съ поклонами.*) Большой воевода и князь Михайло Васильевичъ, подойди. Спасибо. (*Обнимаетъ его, князь Михаилъ Васильевичъ цѣлуетъ руку.*)

Князь Михаилъ Васильевичъ. Позволь, великій осударь, мнѣ то спасибо царское твое съ землей и воеводы подѣлить. Съ такимъ народомъ да воеводы щегленокъ взмоетъ соколомъ и птицу бить учнетъ. Вѣтка вѣдь корнемъ держится. А паче молитвами Пречистыя да Сергія Преподобнаго,—не нашей доблестью, то совершилося. (*Кланяется Шведамъ, воеводамъ, Донцамъ низко и отходитъ въ сторону.*)

Царь Василій Ивановичъ. Великое спасибо всѣмъ воеводамъ за то, что потрудилися, землѣ, что во едино сердце стала

противу вороговъ. Въ одной купели Русь крестилася. Сынове свѣта всѣ есьмы, а стало и служить не тьмѣ, а свѣту надобѣ. Дай Богъ, чтобъ лихо полегло, добро приспѣло.

Голоса. Дай Богъ, осударь. Добрѣ бы. Порадуй царь Небесный насъ! Дай Богъ!

Стольникъ (*съ поклономъ на всѣ стороны*). Великій государь всѣхъ проситъ хлѣба ѣсть. Всѣхъ проситъ. А что до жалованья воеводамъ, казакамъ и всѣмъ стояльщикамъ, служилымъ людямъ, онъ, осударь, послѣ сидѣнья съ бояры оповѣстити повелитъ. (*Кланяется и отходитъ.*)

Голоса. На хлѣбѣ-соли, осударь! А пиру златъ вѣнецъ, хозяину сто лѣтъ бы жить, да царевати.

(*Бояре, Шведы, съ поклонами царю и князю Скопину уходятъ; ихъ провожаютъ стольники и стряпчіе къ столу. Царица, мать царицы, княгини Елена, Алекс. Скопина-Шуйская, Катерина Григорьевна Шуйская, двѣ ближнія боярыни, входятъ въ потайную дверь подъ тайникомъ. Царь сходитъ съ своего мѣста. Рынды, поклонясь царю, уходятъ.*)

Царь Василій Ивановичъ. За службу, за любовь. (*Обнимаетъ князя Михаила Васильевича.*)

Князь Михаилъ Васильевичъ. Не служба, службица пока, а служба впереди. Любовь... Дай Богъ любви межъ нами, дядюшка.

Царь Василій Ивановичъ. Обмолвился... Отецъ тебѣ я...

Катерина Григорьевна. Обмолвился? Отецъ! (*Царицѣ*) Сдается мнѣ, здѣсь пахнетъ ладаномъ.

Царица. Не слышу, тетушка. (*Всѣ переглядываются.*)

Царь Василій Ивановичъ. Михайло! Что же ты съ своими-то?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Царица.

Царица. Тебѣ поклонъ пришла я справить низкій за радѣнье, князь, за трудъ великій твой за службу ратную.

Князь Михаилъ Васильевичъ (*кланяясь*). Не стою я, царица. Не въ мѣру честь. Не заслужилъ пока. Вотъ довершити дѣло привелъ бы Богъ.

Княгиня Александра. Родимой мой, здоровъ ли ты?

Князь Михаилъ Васильевичъ. Не осуди насъ, осударыня. (*Обнимаетъ жену.*) Вы поздорову-ль? Матушка, не погнѣвись (*Обнимаетъ мать.*) Себя не помню, осударь. Позволь словцо тебѣ мнѣ молвить наединѣ. У сердца слово грузъ, а вымолвишь— что свалишь.

Царь Василій Ивановичъ. Вымолви. Отъ нихъ, семьи, ты вѣдаешь, я не таюсь. А нѣтъ ли лишнихъ тутъ? (*Посмотрѣвъ на княгиню Катерину.*) Мы отойдемъ. Ну, что же? Что у тебя? (*Царица, боярыни и мать царицы смотрятъ въ полурастворенную дверь на гостей во время бесѣды царя съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ.*)

Князь Михаилъ Васильевичъ. Грузъ, осударь, грузъ тяжкій на сердцѣ. Быль—что смола, небыль—вода, а отъ напраслины тожъ дѣло гибни заурядъ... Тебѣ, чать, вѣдомо, околицей я никогда не ѣздилъ, осударь. Иду ли, ѣду ли, доднесь, съ Господней помощью, прямой, не тайною дорогой. Мы плачемся, горюемъ, въ дѣлѣ проку нѣтъ, ничто не спѣется. Гдѣ зависть и вражда, тамъ завсе нестроенье. Плодъ правды въ мірѣ сѣютъ вѣдь.

Царь Василій Ивановичъ. Вѣстимо. И по апостолу...

Князь Михаилъ Васильевичъ. Тебѣ донесено—кѣмъ, какъ, не вѣдаю—что царства я ищу измѣной... Осударь! Оклеветаяй брата, не на него клевещетъ, а на законъ, на свѣтъ, на истину, на Бога! Кто вѣдаетъ, что утрѣ будетъ съ кѣмъ? Жизнь наша—дымъ, явилась и исчезла. Я шелъ землей не вдавнѣ, зрѣлъ, что дѣется. Убогихъ слезы, вдовъ и раззоренныхъ смутами, враждой, немолчно вопіютъ ко Господу. Се судія передъ дверьми.

Царь Василій Ивановичъ. Словъ небылыхъ намъ слушать неча. Грязь не пристанетъ къ чистому, а зло не въ насъ однихъ, въ народѣ шатость тоже не малая.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Топерво въ насъ оно... Въ насъ, осударь... Ты это вѣдаешь... Тебя учить я молодъ...

Царь Василій Ивановичъ. Молодъ лѣтами, не умомъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Ты видѣлъ понѣ землю... На крупицу любви привѣта видѣлъ какъ она отвѣтила? На слабый зовъ откликнулась, что человѣкъ единъ. А здѣсь что дѣялось, въ сей нареченный день, великъ день мира и любови?

Царь Василій Ивановичъ. Не говори.

Князь Михаилъ Васильевичъ. На царство лѣзу я! А и тебѣ, не погнѣвись, отъ царства днесь довлѣло-бъ отказаться... Отдай завистникамъ вѣнецъ. Пускай попробуютъ, легокъ-ли? Осударь, отдай! Всю Русь сберемъ, очистимъ землю. Вѣрь, земля вомчитъ тебя,—да, на рукахъ вомчитъ, на столъ твой дѣдовскій. А Шуйскихъ родъ, крестясь, во вѣки поминати станетъ.

Царь Василій Ивановичъ. Ты думу разгадалъ мою завѣтную... Дай ляховъ выжить мнѣ, отцовску вѣру оградить отъ папежа, тогда...

Князь Михаилъ Васильевичъ. Тогда? Мы ниву выхолимъ, а жать нашъ ворогъ будетъ?

Царь Василій Ивановичъ. Охъ, прытокъ ты! Не прытко ѣздить, знай спорѣе.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Подъ гору, осударь... А въ гору, вскачь, коня ретиваго измаешь поводомъ.

Царь Василій Ивановичъ. Нѣтъ не размысливши, такое дѣло какъ вершить. (*Молчаніе.*) Тебѣ не солгано... Ядъ впущенъ былъ мнѣ въ душу, каюсь... Ты исцѣлилъ меня...

Князь Михаилъ Васильевичъ. Что было на сердцѣ, повѣдалъ я тебѣ какъ сынъ отцу родному, не таяся... За почесть низкій мой поклонъ прими и не посѣтуй на раба свово за слово смѣлое. Прости покуда, осударь.

Царь Василій Ивановичъ. Гость у хозяина въ неволѣ. А быть невольникомъ не хошь, такъ похозяйничай. Старость свое беретъ... Усталъ... Смотри, чтобъ кравчіе не обносили братиною заздравной никого. (*Уходитъ*).

Князь Михаилъ Васильевичъ. Слушаю, осударь! Пиръ на весь міръ пойдетъ, по-царски. Княгиня-тетушка, не осуди, тебѣ поклонъ я въ торопяхъ не справилъ.

Катерина Григорьевна. Что за осудъ? Тебѣ не до поклоновъ вижу я... съ побѣдою.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Спасибо... Матушка... (*княгинѣ Александрѣ*) А ты все плакала небось, а? Плакала?

Стольникъ (*входитъ*). Позволишь, княже, яства подавать? Усѣлись гости.

Князь Михаилъ Васильевичъ. Подавайте... Время ко столу... Я за хозяина.

ДѢЙСТВІЕ IV.

I.

Теремъ царицы.

Княгиня Буйносова-Ростовская, царица, княгиня Катерина Григорьевна, боярыня. (*Всѣ сидятъ. Княгиня Катерина перелистываетъ святцы.*)

Боярыня. Давно ли слегъ князь Михаилъ?

Кн. Буйносова. Друга недѣля вотъ пошла. Былъ здоровёхонекъ. Въ Егорьевъ день, али въ канунъ, не помнишь, Маша?

Царица На самаго Егорья Побѣдоносца...

Кн. Буйносова. Да, да... Въ Егорьевъ день... У Воротынскихъ на крестинахъ—пилъ, ѣлъ, такой веселый былъ. Обѣдать сѣли. Подлѣ него сѣлъ князь Ѳедоръ Иванычъ... Отобѣдали... Пить чашу стали про государево здоровье. Онъ всталъ, крикнулъ таково зычно: „здравъ буди, осударь!"—сѣлъ да и молвитъ князю Ѳедору Иванычу: „чтой-то, батъ, темно стало? Туча, что-ль, набѣжала?" Князь Ѳедоръ оглянулся на окно.— „Нѣту, батъ, ведрено. День ясный. Глядь, князя Михайла повели".

Царица. Нѣтъ, матушка, изъ-за обѣда самъ онъ всталъ и въ сѣни вышелъ. Кровь горломъ хлынула.

Кн. Буйносова. Али самъ вышелъ... Всѣ всполошились, повставали изъ-за стола, къ нему. А кровь не унимается, такъ, слышь, и бьетъ ключомъ. Еле живаго привезли домой въ каптанѣ. Вотъ съ той поры.

Боярыня. Храни Богъ. А у насъ, въ Ростовѣ, молвь: испортили его завистники...

Кн. Катерина. Не все то быль, что молвится.

Кн. Буйносова. Единъ создавый насъ все вѣсть, а горе веліе: его не станетъ,—земская бѣда. Крамола снова разгорится полымемъ.

Кн. Катерина. Въ пожаръ, слыхала я, бросаютъ бѣлаго голубя въ огонь?

Кн. Буйносова. Мнѣ не въ домёкъ, что молвишь ты, княгиня?

Кн. Катерина. Что молвлю?... Голубя изъ чистыхъ бросаютъ въ полымя, абы огонь потухъ. (*Всѣ переглядываются.*)

А у него недугъ, княгиня, съ глазу, думно мнѣ, али бо невзначай на чужой слѣдъ ступилъ.

Царица. Богъ вѣсть. Вечорсь, слышь, полегчало.

Боярыня. Молитвами святыхъ угодниковъ, Богъ дастъ, поправится. Не старецъ... Что, ему, есть ли двадцать четыре года?

Кн. Буйносова. Не болѣ. Каки года. Жить да и жить бы.

Кн. Катерина. Мнѣ сказывали, стукъ глухой у нихъ въ хоромахъ еженочь. Это къ покойнику.

Царица. Ровно идетъ кто сѣнями? Не осударь ли?

Царь Василій Шуйскій. Несу вамъ тяжку вѣсть. Земная храмина разрушилась княжь Михайлова. Не миновалъ Господень гнѣвъ насъ, грѣшныхъ. Вѣчный вѣнецъ пріяти сподобилъ бы его Господь. (*Всѣ плачутъ.*)

Царица. Неужто, осударь? Что ты промолвилъ? Господи! (*Плачетъ.*)

Кн. Катерина. Царство небесное... Топерво ему поминъ, а намъ молитва. Не убивайтеся... Всѣ будемъ тамъ... Гроза велика, милость Божья.

Царь Василій Ивановичъ. Вотъ, дума за горами, а смерть за плечами. Вотъ, подъ стрѣлами, въ огненномъ бою стоялъ, подъ ядрами,—кажись, на волосокъ былъ нашъ родной отъ смерти, — Богъ сохранилъ. А тутъ, гляди ко се, не чаяли, не ждали. Цвѣтомъ цвѣлъ. И молодый, и мощный... Нѣтъ, не укрощаетъ Богъ своего гнѣва на насъ праведна.

Кн. Буйносова. Когда онъ отошелъ?

Царь Василій Ивановичъ. Я къ вамъ сбирался... Попъ крестовый мой вернулся, ѣздилъ къ нему: я посылалъ-было съ водой изъ Іордань рѣки. Пришолъ ко мнѣ. Ну, что, молъ? Въ памяти, говоритъ. Водицы отпилъ, позабылся... Не успѣлъ вымолвить попъ-отъ, Гордуша съ вѣстью: осударь, нашъ свѣтъ князь Михаилъ Васильевичъ преставился.

Царица. Вотъ, поди, плачъ у нихъ... Надо бы съѣздить, матушка.

Царь Василій Ивановичъ. Пообождите, я стольника послалъ... Всѣ съѣздимъ вмѣстѣ къ панихидѣ. (*Молчаніе.*) Я не опомнюся. А вѣсть изъ-подъ Смоленска: поляки валомъ валятъ

подъ Кромы. Надо посылать, немедля, Митрея со Сведы. Онъ, поди, не вѣдаетъ.

Кн. Катерина. Онъ молвилъ давѣ мнѣ: „заѣду къ Скопинымъ провѣдать“.

Царь Василій Ивановичъ. Что молнія сверкнула, что громъ небесный грянулъ, да и смолкъ за тучами на вѣки. Житіе наше, какъ воззришь ясно, цвѣтъ, что дымъ, аль роса утренняя: вечорсь былъ живъ, а днесь... гдѣ доброта тѣлесная, гдѣ юность? Что цвѣтъ отцвѣлъ, поникъ, засохъ, что травонька скошоная. Недвижимъ, мертвъ, забыты родичи, отецъ и мать и други. Се разлучаемся. Рцы, брате намъ, куда идешь отъ насъ ты молча? (*Горько плачетъ, сѣвъ у стола. Всѣ кидаются къ царю.*)

II.

Апрѣль мѣсяцъ.

Палата на дворѣ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго.

(*Посрединѣ, на покрытомъ вишневымъ бархатомъ возвышеніи со ступенями, стоитъ открытый гробъ съ тѣломъ князя Михаила Васильевича. Тѣло покрыто до половины парчею и княжескимъ, шитымъ золотомъ, платномъ. Въ головахъ стоитъ воеводскій стягъ въ поставѣ, кругомъ возвышенія стоятъ знаменщики въ доспѣхъ и шеломахъ, съ наклоненными немного стягами, донцы со значками. Справа, на второй ступени, Семенъ Васильевичъ Головин держитъ на малиновой подушкѣ серебряную золоченую булаву. Въ ногахъ на ступеняхъ зерцало, шеломъ, сабля и топорокъ. По угламъ дымятся серебряные ароматники. Четверо головъ стрѣлецкихъ стоятъ подлѣ гроба по угламъ съ опущенными топорками, въ бронѣ и шеломахъ; сзади гроба—стрѣльцы съ бердышами, шведы съ протазанами и знаменемъ, завѣшеннымъ чернымъ флеромъ. Около стѣнъ, на возвышеніи, ступенями, бояре, боярыни, гости, новгородцы; всѣ въ печальномъ темновишневомъ платьѣ, у нѣкоторыхъ изъ мущинъ бѣлые ручники черезъ плечо, шведы въ траурномъ чорномъ платьѣ безъ оружія. Царица, княгиня Елена, княгиня Александра Василь вна Скопина-Шуйская, княгиня Катерина Григорьевна Шуйская, боярыни—стоятъ вправо отъ зрителей въ смирныхъ темновишневыхъ, суконныхъ платьяхъ, безъ золота и серебра, на головахъ бѣлые полотняные убрусы. Княгиню Александру поддерживаютъ подъ руки боярыни. Царь Василій Ивановичъ, князья Ѳ. И. Мстиславскій, Голицынъ, Дмитрій Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ Шуйскіе, Звенигородскій, Романъ Гагаринъ, бояре Воротынскій, Шереметевъ и другіе въ смирныхъ темновишневыхъ суконныхъ кафтанахъ, такія же шапки въ рукахъ—стоятъ влѣво отъ зрителей. Къ царю подходитъ одинъ за другимъ, за приказами, дневальные стольники и, выслушавъ приказъ, отходятъ тихо, съ поклономъ царю. Всѣ говорятъ полушепотомъ.*)

Кн. Ѳ. Ив. Мстиславскій. Не время-ль, осударь, выносу быть? Литія кончена.

Царь Василій Ивановичъ. Я жду отвѣта отъ святѣйшаго. Буде ко встрѣчѣ изготовились въ соборѣ, благословясь подымемъ.

Стольникъ (*вполголоса*). Прокопій Ляпуновъ съ Рязани проситъ пожаловать его—войти ему бы поклониться тѣлу князя Михаила Васильевича.

Царь Василій Ивановичъ. Дляча-жь онъ ранѣ не вошелъ?

Стольникъ. Прямо съ дороги онъ...

Царь Василій Ивановичъ. Такъ въ церковь бы... Да пропустите... (*Стольникъ уходитъ съ поклономъ.*)

Князь Дмитрій Ивановичъ. Брата его, Захара Ляпунова, видѣли, какъ на мой дворъ вечорсь народъ съ разгромомъ было ринулся. Жаль, не велѣлъ я его заковать вмѣстѣ съ бунтовщиками... А наговорами ихъ, Ляпуновыхъ, гляди, Новгородцы отказалися идти со мной къ Смоленску.

Царь Василій Ивановичъ. Не мѣсто здѣсь укорамъ, да попрекамъ. Въ домъ плача съ сварой не ходи.

Прокопъ Петровичъ Ляпуновъ и двое Рязанцевъ.

П. Ляпуновъ (*становится у изголовья и пристально поглядѣвъ на усопшаго, кидается рыдая на ступени*). Родимый нашъ... Родной провѣщися... Безгласенъ... Уходили... (*Встаетъ и подымается на ступени.*) Надъ головой воеводы, княжати Михаила, азъ Ляпуновъ Прокопъ зову на судъ, на общу правду, князя Митрея и Катерину Шуйскихъ... А стати намъ передо всей землей. (*Смятеніе. Ляпунова сводятъ Рязанцы подъ руки.*)

Голоса. Опомнись. Гдѣ ты? Что учинаешь? Гдѣ?

Царь Василій Ивановичъ. Землѣ не стать бы всей предъ страшнымъ судіею, всѣмъ намъ отвѣтъ не дать бы за вражду, что неустанно сѣемъ мы межъ братьею

П. Ляпуновъ. Отцы и братья, православные!... Неужто стерпимъ мы, не отзовемся ворогамъ за жертву неповинну? О, горе, горе лютое! (*Плачетъ.*)

Стольникъ (*подойдя къ царю*). Святѣйшій молвилъ, осударь: „буде поволишь, время быть выносу“.

Царь Василій Ивановичъ. Оповѣсти княгинь, да бережно...

(*Стольникъ подходитъ къ княгинѣ Еленѣ съ низкимъ поклономъ.*)

Кн. Елена (*Выступаетъ на средину съ двумя провожатыми боярынями. Боярыни становятся сзади поодаль. Во время плача подходятъ и берутъ ее подъ руки*):

Подымалися мятели, вьюги снѣжныя,
Выходили изъ-за облакъ тучи грозныя,
Занесли онѣ, закрыли ненаглядный свѣтъ...
Я не чаяла заката солнца лѣтняго,—
Онъ не впору, ранымъ-рано, люди добрые...
Заря утренняя дѣвицей выйдетъ красною,—
Ты не выѣдешь, сынъ милый, встрѣчу зориньки,
Съ чорной ночью ты сдружился непроглядною.
Звѣзды взойдутъ... Наши звѣзды,—слезы жгучія...
На тебя-ль огни тѣ, слезоньки закапаютъ,—
Не проймешься ты, не взглянешь, не шелохнешься.
Глянь, княжа наша порода именитая,
Вѣтвь отрублена отъ древа, вѣтвь могучая,
Ей расти бы, вѣтви юной, красоватися. (*Плачетъ.*)
Не темны лѣса на грозу откликалися,
Не сизы́ орлы подъ тучами слеталися,—
Сила-рать стоитъ могуча святорусская.
Темный боръ дремучъ безъ вѣтру не шелохнется,
Безъ воеводы, вѣдь, силушка не тронется.
Гдѣ жь ты, княже? Гдѣ ты соколъ—золото̀ крыло?
Залетѣлъ ясенъ за лѣсушки дремучіе,
За степны бугры песчаны, за сыпучіе,
Къ невечерней зорькѣ взмылъ ты свѣта гòрняго,
Въ ту ли дальнюю сторонушку безвѣстную,
Нѣтъ отколѣ ни прохòжа, ни проѣ́зжаго. (*Плачетъ. Боярыни держатъ ее подъ руки.*)

Кн. Ѳ. П. Мстиславскій. Не время ли?

Кн. Елена (*увидя к-ню Катерину*):

А и молвь идетъ каменнòй Москвой,
Страшна молвь идетъ, люди добрые,
Будто аспидъ золъ, змѣя лютая,

Гадъ люта змѣя подколодная,
Его жалила въ ретивò сердце,
Ядомъ пòила, богатырское.
Буде правда молвь, не напраслина,
Суди Богъ меня, мать безчадную,
Судомъ праведнымъ съ ней злодѣйкою.

(*Ударъ большаго успенскаго колокола къ выносу. Вопль княгини. Боярыни толпою кидаются къ ней.*)

Кн. Елена (*оправившись отъ плача, подходитъ къ царю*):

Осударь, ты свѣтъ рòдный дядюшка,
Ты прости слугу. Онъ невòлею,
Второпяхъ не смогъ съ тобой свидѣться...
Ты не пàмятуй про обидушки,
Буде грубо гдѣ было молвлено,
Аль тебѣ, царю, не дослужено.

(*Падаетъ въ ноги. Ее поднимаетъ царь и всѣ кто ближе. Ударъ успенскаго колокола.*)

Княгиня Александра (*подходя къ гробу*):

Разодвиньтесь-ко, люди добрые,
Не держитко те вы зарученьки...
Мнѣ припасть было, мнѣ придвинуться,
Поглядѣть бы мнѣ на бѣлò лицо,
На милà друга, на сердечнаго. (*Всходитъ на ступени, за ней поодаль боярыни.*)
Отними-жь съ груди руки бѣлыя,
Распахни, открой, очи ясныя,
Приголубь меня словомъ ласковымъ...
Аль привѣта мнѣ, горькой горюшѣ,
Что лютой зимой вéшня солнышка,
Отъ тебя, друга, не дождатися?... (*Боярыни ее берутъ подъ руки.*)
Дайте волю мнѣ, люди добрые
Не держитко-те вы зарученьки... (*Ударъ колокола.*)
Я падý на грудь богатырскую,
Я во вѣкъ съ другомъ не разстануся,
Я жива лягу съ нимъ въ могилушку. (*Падаетъ на гробъ.*)

ДѢЙСТВІЕ V.

I.

18 іюля 1610 года.

Палата на старомъ дворѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго.

Старикъ, двое купцовъ, Гордуша. Гостины сотни насъ прислали провѣдать государя и осударыню царицу, какъ ихъ Богъ милуетъ. Другое, не нужна-ль послуга наша имъ, великимъ, рабская?! Кого коснулися измѣнники? Мы ничего невѣдали. Вернулись отъ заутрени наши изъ Кремля: „слышали ль, великаго осударя свезли крамольники на старый дворъ?“

Гордуша. Что было, дѣдъ! Царица не опомнится досель, всполошилась. Еле мы сволокли ее вчера въ хоромы.

Старикъ. Какъ не всполошиться. Легкое ли дѣло?... А осударь?

Гордуша. Его Господь помиловалъ: нонѣ покоенъ и здравъ Богъ далъ... Вчера велѣлъ вѣнецъ мнѣ взяти втораго наряда. Взялъ образъ изъ кіоты, самъ, Тихвинской Божіей матери, вышелъ таково бодро съ постельнаго крыльца и сѣлъ въ каптану.

Старикъ. Мы на торгу соберемся нонѣ. Перво на Лобномъ отмолебствуемъ,—святѣйшій обѣщалъ пожаловать пріѣхать. Послѣ молитвы потолкуемъ, какъ орудовать. Царь несудимъ. А они, накосе, Іуды, кому коварны учинилися.

1-й купецъ. Спроси, поволитъ ли намъ осударь его царскія очи видѣти?

Гордуша. Дьякъ у него, Сыдавный. Да дума ждетъ, собрались въ повалушѣ. Не пускаютъ никого во дворъ, кругомъ сторожевыхъ своихъ наставили.

Старикъ. Мы съ сотенъ нонѣ же нарядимъ сторожей. А сильны учинятся вороги, кличъ кликнемъ на торгу, уймемъ.

Гордуша. Подъ Клушинымъ бысть непособье, разбили на голову нашихъ ляхи, Новгородцы послѣ похоронъ князя Михаила домой ушли съ Москвы,—вотъ молва и поднялась опять: „царь неудачливъ“.

Старикъ. А они удачливы? Кого разбили подъ Клушинымъ-то? Ну? Его что-ль, свѣта? Ихъ, христопродавцевъ. Лыжи кто навострилъ, закивалъ пятками? — Они. Таборъ во хмѣлю, проспали. Зя Клушино царю ихъ перевѣшать надо, псовъ, всѣхъ до единова. Пойдетъ ли Новгородъ за невѣгласами? Небось за княземъ Михаиломъ шли, всѣ поголовно. Вся земля ринулась.

2-й купецъ. Пойдемте. Опоздаемъ къ молебну-то.

1-й купецъ. А не пропустятъ какъ сюда, вдругорядь?

Старикъ. Кто не пропуститъ? Мы съ добромъ идемъ... Животворящему кресту мы не измѣнники. А осударю доложи, что мы, рядовичи, ему великому радѣемъ всей душой отъ стараго до млада. Прости покудова. (*Уходятъ.*)

Сыдавный Васильевъ (*Горбушъ*). Возьми мово коня; у тайника покинулъ я, у огородниковъ,—гони въ стрѣлецкую...

Сыдавный Васильевъ. Молви, чего молъ ждете вы? Шли бы не медля, всѣмъ полкомъ, сюда съ пищалями и бердышами. Гони живѣй! А я пойду къ Гагарину, тутъ недалеча,—ко владыкѣ надо съ нимъ съѣздить намъ.

Гордуша. Я тайникомъ пройду. Ты тоже со мной?

Сыдавный Васильевъ. Нѣтъ, я въ ворота... Я добылъ пропускъ отъ Голицына. (*Уходитъ.*)

Царь Василій Ивановичъ, молодой монахъ.

Монахъ. Благословеніе отъ патріарха, осударь, тебѣ. Не унывай, святѣйшій молвитъ, терпи, надежду возложи на Господа. Владыко и вечорсь и днесь молебствовалъ соборнѣ предъ всенароднымъ множествомъ о твоемъ, осударевомъ, здоровьѣ, и многолѣтіе на Лобномъ громогласно пѣлъ.

Царь Василій Ивановичъ. Молви святѣйшему: къ стопамъ его я падаю владычнимъ, моля со слезами о прощеніи. Тяжелъ, я вѣдаю колико тяжелъ крестъ его.

Монахъ. И твоя ноша, осударь, не легкая.

Царь Василій Ивановичъ. Нѣтъ, на его раменахъ мощныхъ весь грузъ лежитъ. Онъ нашъ вожатый доблій въ бою за

вѣру, свѣтъ, за истиву. А я?—Я мужъ простецъ отъ Киринеи, сопутствуяй къ Голгофѣ свѣту велію.

Монахъ. Да, повелѣлъ владыко молвить тебѣ: по Владислава собираются не нонѣ завтра ѣхати... Есть съ Польши грамота: король поволилъ сына дать.

Царь Василій Ивановичъ. Обманетъ, помяни мое слово. Пошлетъ въ цари Жигмонтъ имъ Владислава? Поволитъ сыну вѣру премѣнить? Онъ самъ и ихъ, и землю въ лапы заберетъ Жигмонтъ-то... Они—безумные... Рѣшетомъ звѣзды ловятъ; невѣдятъ, что творятъ.

Монахъ. Помыслить страхъ: что въ дому Божьемъ у насъ дѣется! Повѣдаютъ родамъ грядущимъ, что въ наши дни творилось,—не повѣрятъ.

Царь Василій Ивановичъ. Забудется... Забудутъ завтра же, что нынѣ дѣялось,—неча де того памятовать. Волненій буря отчего не престаетъ?—Не поучаемся. Не вѣдаемъ куда идемъ, откуда, отцомъ водимы злобы, тьмы.

Монахъ. Что повелишь, великій осударь, мнѣ молвить отъ тебя владыкѣ?

Царь Василій Ивановичъ. Земной поклонъ ему, великому стояльцу. Онъ руку мощную простеръ одинъ, подъ непосильнымъ бремемъ, мнѣ изнемогающу. Всѣ отреклись, всѣ, други, сродники, братья и ближніе; одинъ онъ, свѣтъ, стѣной несокрушимой всталъ, бойницей, стрѣлы мечущей, огни, на сонмы вороговъ, всталъ не щадя главы, сребромъ сѣдинъ увѣнчанной. Нѣтъ, молви выше подвига десницу протянуть, не дать повергнуться къ стопамъ врага бойцу усталу. До днесь—скажи, невѣдалъ я, неразумѣлъ души его великой... Лишь просвѣтленному бѣдами, горемъ, мнѣ она провѣщилась. Да молви, помолился бы онъ, свѣтъ нашъ, за меня. Тяжко мнѣ, Діонисій. О, какъ тяжко! И ты не позабудь меня въ своихъ святыхъ молитвахъ, миротворецъ... Блажени миротворцы, вѣдь. Сей день, день мира и любови, молви ему, великій день свѣта мнѣ. Я просвѣтлѣлъ, воспрянулъ, ожилъ... Взойди онъ ранѣе, сей свѣтъ въ душѣ моей, не то бы было, Діонисій. Прости... Благослови меня.

Монахъ. Господь благословитъ. Доступна-ль Господу, не

вѣмъ, моя молитва, а я молюся, осударь, и за тебя, и за враговъ твоихъ, да образумятся.

Царь Василій Ивановичъ. Наврядъ ли... Прости. Не здѣсь, тамъ свидимся, гдѣ нѣтъ разлукъ...

Монахъ. Не унывай... Богъ помощь. (*Уходитъ.*)

Царь Василій Ивановичъ. Скорби сердца умножися, а легче; что грузъ съ души я сбросилъ, примирясь. Правда, что страха нѣтъ въ любви. Боящійся не совершенъ въ любви. Во дни и лѣта скорбные сіи мнѣ не одинова воспоминались прадѣды, князья, Князь Михаилъ Черниговскій, Тверской князь мученикъ. Шли, свѣты, радостно на муки лютыя, на смерть. А отчего?— Любовь въ душѣ горѣла. Страха и не было.

Царица (*вбѣгаетъ и падаетъ на колѣна*). Свѣтъ милый осударь! Насъ разлучить умыслили. А лучше смерть.

Царь Василій Ивановичъ. Кто воленъ разлучить, кого Богъ съединилъ? Опомнись! Встань!

Царица. Даютъ навѣтки мнѣ, абы... О, страшно вымолвить! Абы постриглась... Я жить хочу съ тобою. Келья—гробъ.

Царь Василій Ивановичъ. Неволей нѣтъ постригъ. Кто въ силахъ оковать духъ человѣка? Ни цѣпь, ни келья крылъ не свяжутъ ему, свободному. Плоть сдастся мучима, не вынесетъ; за немощь, слово исторгнется. Всевѣдущій отпуститъ вопль невольный, не вмѣнитъ то слово въ грѣхъ созданью слабому. Господь съ тобой. Хотяй пострищись вопрошаемъ: волей ли разума приходиши?

Царица. А уведутъ? Затворятъ силой въ келью? О, отдай имъ, государь, и власть, и почести...

Царь Василій Ивановичъ. Жена! Мы видѣли дни красные, умѣли жить во благѣ, — потерпимъ черный день... Иди съ Господней помощью. (*Обнимаетъ царицу.*)

Царица (*плачетъ*). Надежа государь.

Царь Василій Ивановичъ. Не плачь. Готовься ко всему. Здѣсь Богъ насъ разлучитъ, тамъ свидимся.

Царица. Войди хоть къ намъ

Царь Василій Ивановичъ. Я буду, отпустивъ бояръ. Ждутъ, собрались на сѣняхъ.

Царица. Господи! (*Уходитъ съ плачемъ.*)

Царь Василій Ивановичъ. День приложися въ нощь. На части сердце разрываемо. Се поругаемъ есмь. О, еслибъ я возмогъ смѣяться поруганью! Господи, не даждь изречь мнѣ: гдѣ есть судъ?

И. И. Воротынскій (*входитъ со свиткомъ въ рукѣ*). Къ тебѣ я, осударь, опять отъ думныхъ.

Царь Василій Ивановичъ. Что молвишь. я послушаю.

И. И. Воротынскій. Да молвятъ то же... Молятъ слезно, осударь, тебя. Помилуй насъ и землю... Самъ видишь нестроенія. Вотъ, запись изготовлена. Сложи вѣнецъ.

Царь Василій Ивановичъ. Смѣха достойно, что вы молвите. Помысли, какъ я отрекусь отъ благодати? Царей вѣдь миромъ помазуютъ... Ты отъ купели отрекись.

И. И. Воротынскій. А встарь князья великіе, цари схиму не принимали, что-ль?

Царь Василій Ивановичъ. Такъ вы въ игумны, что-ль меня, а сами въ иноки? Свята обитель будетъ, иже на Шатъ рѣкѣ.

И. И. Воротынскій. Я посланъ думою. Что повелишь ино имъ молвить отъ тебя?

Царь Василій Ивановичъ. Молви: гдѣ-бъ ни былъ я, даръ духа, данный мнѣ не по достоинству, по благодати пребудетъ неотъемлемъ, живъ, со мной, ниспосланъ отъ живаго Бога. (*Воротынскій уходитъ*).

II.

19 октября 1611 года.

Варшава. Сенаторская изба *) На лѣвой сторонѣ кресло для короля (*на возвышеніи*). **Сенаторы, дворяне, придворные** (*стоятъ влѣво*). **Дьякъ, Сыдавный, первый и второй Смоленскіе дворяне** *стоятъ вправо отъ зрителей. На хорахъ паньи и панны*).

1 дворянинъ. Давно-ль ты здѣсь?

Сыдавный. Съ недѣлю; я присланъ думою къ посламъ съ наказомъ. Да вотъ, до сихъ поръ недобьюся гдѣ они.

2 дворянинъ. А правда, что царя Василья постригли?

Сыдавный. Постригли силою. Держали подъ руки безбож-

*) Комната.

ники. Онъ слова не промолвилъ, а за него отвѣты всѣ давалъ князь Туренинъ. Святѣйшій прямо рекъ: это—не постриженіе.

1 дворянинъ. А гдѣ царица? Тоже, слышь, пострижена—

Сыдавный. Царица въ Суздалѣ, въ монастырѣ,—постригли тожъ неволею.

1 дворянинъ. Москва взята, слышь, гетманомъ?

Сыдавный. Взята... Это не взятье... Впустили сами бояре литву. Да ужъ чему дивить, коли царя волею выдали Жолкевскому. Вора въ Калугѣ и того не отдали небось имъ перелеты.

2 дворянинъ. Вѣдь воръ убитъ?

Сыдавный. Татарове убили. Князь Урусъ. Душа болитъ глядѣть, что у нихъ дѣется. Позоръ. Не мимо молвлено Господь захочетъ наказать, разумъ отни етъ.

1 дворянинъ. Король! (*Маршалы съ жезлами, пажи, король Сигизмундъ, епископъ Краковскій, сенаторы, воевода Мнишекъ, придворные, королевскій секретарь. Король сидитъ на тронѣ.*)

1 сенаторъ. (*вполголоса*) Панъ видѣлъ тріумфальный въѣздъ гетмана и плѣнниковъ?

2 сенаторъ. Видѣлъ. Я обогналъ ихъ въ Краковскомъ предмѣстьѣ. Великолѣпіе! Egaliter, какъ нѣкогда въѣзжали въ Римъ полководцы римскіе. Царь ѣдетъ съ братьями въ открытой колымагѣ короля его милости, шестеркой бѣлыхъ коней, цугомъ, съ нимъ гетманъ, потомъ полковники, ротмистры, на богато прибранныхъ коняхъ. За ними immediate въ 60-ти крытыхъ колымагахъ слѣдуютъ Шеинъ и другіе плѣнники.

1 сенаторъ. Что, царь Василій статный? Высокъ?

2 сенаторъ. Средняго роста, широкоплечъ, глядитъ изъ подлобья, носъ горбомъ, лицо немного смуглое, круглое, борода нѣсколько подстрижена, на половину сѣдая, волосы тожъ почти сѣдые, подстрижены въ кружокъ, по-русски.

1 сенаторъ. Въ чемъ онъ одѣтъ? Монахомъ?

2 сенаторъ. Нѣтъ. Въ серебряномъ парчевомъ съ золотомъ, длинномъ кафтанѣ, на головѣ шапка мраморной лисы. Но грустенъ, грустенъ.

1 сенаторъ. Какъ не быть грустнымъ? Нельзя не сострадать ему... Помыслите. Обладатель столькихъ царствъ, и вдругъ...

2 сенаторъ. Voluntas Dei, панъ, voluntas Dei.

Гетманъ Жолкевскій, царь Василій Ивановичъ (*рядомъ съ гетманомъ, онъ привѣтствуетъ короля легкимъ поклономъ головы и встаетъ рядомъ съ гетманомъ передъ трономъ*). **Князья Иванъ и Дмитрій Шуйскіе** (*низко кланяются королю и становятся позади царя и гетмана*). **Шеинъ и другіе смоленскіе воеводы.** (*Общій возгласъ: «виватъ». Дамы машутъ платками, паны шапками. Жолкевскій раскланивается на всѣ стороны.*)

1 сенаторъ. Замѣтьте, какъ они поражены, видя tantam majestatem короля и рады.

Гетманъ Жолкевскій. Воздавъ благодареніе Богу, главному виновнику славныхъ побѣдъ, нами одержанныхъ, я не могу не удивляться разительнымъ перемѣнамъ въ судьбѣ государствъ, а равно счастію, мужеству и твердости духа его милости короля Сигизмунда. Завоеваніе Смоленска и Москвы увѣковѣчиваетъ его славу. Здѣсь передъ нами царь, преемникъ великихъ государей, еще недавно страшныхъ для Рѣчи Посполитой, султана, всѣхъ сосѣдственныхъ державъ и почти цѣлаго міра. Предъ нами вождь 180-ти тысячъ храбрыхъ воиновъ. Нужно ли исчислять царства, княженія, области, земли, коими владѣли еще недавно сіи плѣнники, лишенные теперь всего разумомъ Сигизмунда? Но мы должны великодушно отнестись къ несчастію царя. Я осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить объ этомъ его милость короля, столь славнаго, какъ доблестью, такъ и великодушіемъ. (*Кланяется.*)

Воевода Мнишекъ. Великодушіе есть несомнѣнно добродѣтель, но передъ нами здѣсь стоитъ злодѣй, не заслужившій милосердія. Какъ поступилъ онъ съ царемъ Дмитріемъ? Какъ относился, вспомните, о королѣ и Рѣчи Посполитой? Онъ упоилъ кровью благородныхъ ляховъ стогны московскіе. Сколько тамъ сгибло знаменитыхъ ляховъ. Тамъ погибъ князь Наримунтъ-Рожинскій. Но я не перечту всѣхъ жертвъ. Несчастную Марину, вѣнчанную, онъ заставлялъ претерпѣть нужду, холодъ и голодъ; онъ обезчестилъ и меня, вельможнаго отца ея. Глядите, даже въ бѣдствіи, въ неволѣ, онъ держитъ себя дерзко, гордо, какъ бы смѣясь надъ судьбой. И тутъ, въ несчастіи, онъ, оставаясь вѣренъ своей упорной натурѣ, осмѣливается гордиться и какъ бы устрашать насъ, насъ, побѣдителей.

Гетманъ Жолкевскій. Царь Василій, тебѣ слѣдовало бы поклониться королю.

Царь Василій Ивановичъ. Цари московскіе всея Руси челомъ не бьютъ и не бивали королямъ. Судьбами Вышняго я плѣнникъ вашъ, а взятъ не саблею, не вашими руками. Меня вамъ выдали мои измѣнники. Ты бичъ, Жигмонтъ, кара, ниспосланная вамъ отъ Господа. Она на благо, дабы омылись мы, воспрянули, очнулись. Предъ симъ бичемъ въ рукѣ Господней я преклоняюся и преклоняюсь земно. (*Касается рукою пола. Маршалъ стучитъ жезломъ чѣмъ даетъ знакъ, что король желаетъ говорить.*)

Король Сигизмундъ. Мы, побѣдители, не оскорбимъ несчастныхъ побѣжденныхъ. Храни насъ Богъ отъ этого. Превратности судьбы постигнуть могутъ насъ самихъ и каждаго. Карать противника послѣ побѣды слѣдуетъ не укоризнами,—великодушіемъ и милосердіемъ. Такое обхожденіе съ побѣжденнымъ упрочиваетъ славу, вѣнчаетъ побѣдителя.

Секретарь. Его милости королю угодно назначить мѣстопребываніемъ знаменитыхъ плѣнниковъ Гостынскій королевскій замокъ. Панъ капитанъ, по волѣ короля, они сдаются вамъ для передачи каштеляну замка. (*Король встаетъ. Всѣ расходятся*).

III.

12 сентября 1612 *).

Гостынскій замокъ.

(*Небольшая комната со сводами и стрѣльчатымъ длиннымъ окномъ; стулья съ высокими спинками, обтянуты басменною кожей съ золотыми цвѣтами; въ лѣвомъ отъ зрителей углу ценинная, разноцвѣтная печь. У стѣны кроватъ, завѣшенная пологомъ, подлѣ кровати кружка серебряная на столикѣ и потушенная свѣча въ свѣшникѣ.*)

Кастелянъ, докторъ (*входятъ, говорятъ вполголоса*).

Каштелянъ. Коморный! Гдѣ же онъ? Знать ушелъ. Вотъ-то народецъ! Допрежъ панъ докторъ и межъ сенаторовъ, и подлѣ

*) По старинному русскому лѣтосчисленію съ 1 сентября начинали новый 1613 г., въ 1613 году и высѣчено на гробницѣ: Скончался Шуйскій.

короля, да всюду, было добродійство. Хошь взять. гетманъ Замойскій, сладкой памяти, или князь Радзивилъ, то были паны великіе, вельможи. Нынче... Да что-жь мнѣ вамъ разсказывать doctissime, что нынче... Панъ свѣдомъ больше нашего.

Докторъ. Alia tempora, alia mores, пане каштеляне. Встарь было то и то, а нынѣ ѐво.

Каштелянъ. А нонѣ ѐво, отъ то вѣрно, doctissime. А нонѣ ѐво, ad exemplum, панъ докторъ молвилъ о доходахъ, субсидіяхъ. Да, въ стары лѣта были субсидіи. Возьмите, фольваркъ, вотъ у насъ при замкѣ, вы проѣзжали мимо, два шинка, сдаются арендатору жиду. Прежде аренда шла куда?—На каштеляна. А теперь въ королевскій скарбъ вези.

Докторъ. Але пока до скарба королевскаго дойдетъ, я мню, порастрясется.

Каштелянъ. Отъ то есть истина, doctissime. Порастрясется. Да еще какъ!... (*Смѣется.*) А временемъ такъ трафится, что и своей сумой тряхнешь. Паны, секретари, подскарбіи не свычны молвить „досыть"; ихъ молвь—„еще трошечки треба бы". Да что вамъ говорить? Вы знаете порядки нынѣшняго свѣта, панъ докторъ,—вы ихъ знаете.

Докторъ. Hodie всякой своей корысти ищетъ, пане каштеляне.

Каштелянъ. Всякъ о себѣ. Корыстолюбивый свѣтъ, панъ докторъ. Всякъ о себѣ. А до другихъ никому дѣла нѣтъ. Хошь здохни.

Докторъ (*подходитъ къ кровати вмѣстѣ съ каштеляномъ и тихо отдергиваетъ пологъ. Царь Василій Ивановичъ лежитъ въ забытьи на постелѣ; волосы и отросшая борода бѣлы какъ снѣгъ; онъ одѣтъ въ бѣлую рубаху; на полу лежитъ выпавшій изъ руки молитвенникъ. Докторъ щупаетъ руку больнаго*). Гмъ... Male. Худо. Какъ говорится, тутъ не поможешь уже ничѣмъ—ни verbis, ни herbis. Безсильна saluberrima scientia. (*Отходя отъ больнаго.*) На смерть лекарства нѣтъ, пане каштеляне.

Каштелянъ. Нѣтъ, пане докторъ, нѣтъ. Нѣтъ на нее лекарства.

Докторъ. Тутъ, кромѣ недуга тѣла, старости, психопатія и

исходъ одинъ: день, много два и—finis. Встарь молвилось, пане каштеляне: за влосы не уцѣпишь, смерть придетъ.

Каштелянъ. Нѣтъ, не уцѣпишь, doctissime. Вотъ то есть правда: смерть придетъ и—finis, за влосы не уцѣпишь, нѣтъ.

Докторъ. Врачу здѣсь licet ordinare unum medicamentum—quies, спокойствіе.

Каштелянъ. Тутъ въ этихъ случаяхъ медикаментъ одинъ, спокойствіе. Вчера былъ ихній попъ, скажите королю, коммуниковалъ, соборовалъ. Теразъ, какъ вы экспликовали, doctissime, ему одинъ медикаментъ—спокойствіе.

Докторъ. Да; вотъ превратность счастія. Давно-ль былъ царь, могущественный властелинъ великихъ царствъ, и что-жъ? А мнѣ хотѣлось бы засвятло выѣхать въ Варшаву.

Каштелянъ. Э, нѣтъ, doctissime. Насъ ждетъ пани каштелянова. Какъ безъ коляціи? Прошу до стола, панъ. (*Уходятъ. Въ окно ударяютъ красные лучи заходящаго солнца, озаряя больнаго.*)

Царь Василій Ивановичъ (*пробуждаясь*). Облакъ и мракъ окрестъ. Судьба и правда. Се время помощи. Не зри на мя, что я очернена... Палило солнце... Весь день на стражѣ я, у вертограда... Ты звалъ меня и не дозвался... Въ день гнѣва, грозъ и крови... звалъ... Опочиваю днесь, а сердце слышитъ голосъ брата. Вотъ ударяетъ въ двери онъ: „отверзи ми... Приду и взыдемъ на село и водворимся...“ Днесь. (*Приподнимается*). А кто сія, кто восходящая, что стебель дыма, кадящій смирну и ливанъ отъ благовоній мироварныхъ? Изыдемъ встрѣчу ей... Се царь, украшенъ рясны, вѣнецъ... День обрученія, веселья сердца день, а я не убранъ, въ рубищѣ. Гдѣ платно? Платно мнѣ... Вонъ поле, полюшко... И съ сѣножатей нашихъ вѣетъ травой кошеною, далеко кони ржутъ. Вонъ церкви Божьи, Кремль. Идутъ, идутъ! Что лѣсъ дремучъ стяги колышутся. Родные! Наши! Русь святая! Русь! (*Умираетъ. Закатъ солнца*).

„ЭПОХА“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Представляя по содержанію своему типъ такъ-называемыхъ толстыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ, «ЭПОХА» отличается при этомъ нѣкоторыми особенностями. Такъ, далеко не напоминая собою, напримѣръ, иллюстриров. журналъ «Новь», «ЭПОХА» будетъ однако заключать въ себѣ какъ отдѣльныя художественно-исполненныя гравюры, такъ и нѣсколько художественныхъ иллюстрацій къ тексту нѣкоторыхъ статей.

Редакція задалась цѣлью давать своимъ читателямъ лишь тѣ произведенія лучшихъ поэтовъ, беллетристовъ, публицистовъ и ученыхъ, которые, не зависимо отъ интереса содержанія, удовлетворяли бы и художественнымъ требованіямъ.

Ближайшее участіе въ „ЭПОХѢ“ принимаютъ слѣдующіе хорошо извѣстные русской читающей публикѣ писатели:

С. А. Юрьевъ, Н. С. Лѣсковъ, Н. А. Потѣхинъ, Ив. Ѳед. Горбуновъ, А. Н. Майковъ, Дм. Дм. Минаевъ, Н. А. Чаевъ, Д. А. Линевъ, А. В. Кругловъ, Л. И. Пальминъ, С. Н. Филипповъ, Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, Н. П. Аксаковъ, Л. Х. Симонова и мн. др.

Независимо отъ названныхъ именъ, редакція „ЭПОХИ“ вошла въ соглашеніе и съ нѣсколькими другими извѣстными писателями, произведенія которыхъ также своевременно украсятъ страницы „ЭПОХИ“.

Низкая подписная цѣна, которую редакція нашла возможнымъ назначить при высказанныхъ выше особенностяхъ „ЭПОХИ“, дѣлаютъ этотъ журналъ

НОВЫМЪ И САМОСТОЯТЕЛЬНЫМЪ ЯВЛЕНІЕМЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **5 РУБ.** БЕЗЪ ДОСТАВКИ. И **6 РУБ.** СЪ ДОСТАВК. И ПЕРЕСЫЛКОЙ. ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ.

Допускается разсрочка годовой подписной платы: при подпискѣ—2 р.; 1 марта—2 р.; 1 іюля—остальные.

Цѣна отдѣльной книжкѣ 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „ЭПОХА“—Москва, Столешниковъ пер., д. Корзникина.

Редакторъ **Д. А. Мансфельдъ** Издатель **Л. Метцль.**

2007058050